

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС — ИЗ
КНИГА ТРЕТЬЯ

МЁРТВЫЙ РЕЗЕРВ

ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Зайцев

**Мёртвый резерв. Цикл
Неприкосновенный запас - НЗ**

«Автор»

2026

Зайцев О. В.

Мёртвый резерв. Цикл Неприкосновенный запас - НЗ /
О. В. Зайцев — «Автор», 2026

Мёртвые не должны возвращаться. Но НЗ-3 хранит не покойников — он хранит их голоса, привычки, навыки и тела, которые однажды могут снова поставить в строй. Илья получает сообщение от отца, погибшего восемь лет назад: «Не доверяй тому, кто вернётся с моим лицом». В промёрзших коридорах северного резерва человек становится профилем, память — оружием, а личность — ненужной роскошью. Ради спасения сотен тел система готова соединить живых и мёртвых в один послушный механизм. Но кто решит, где заканчивается человек и начинается его копия? Третья книга цикла «Неприкосновенный запас — НЗ» — напряжённый роман о цене бессмертия, праве оставаться собой и людях, которых нельзя списать даже после смерти.

© Зайцев О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Посмертное сообщение	5
Глава 2. Без права возврата	26
Глава 3. Живой груз	49
Глава 4. Контрольная смерть	71
Глава 5. Учебный город	93
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Олег Зайцев

Мёртвый резерв. Цикл

Неприкосновенный запас - НЗ

Глава 1. Посмертное сообщение

Мёртвые обычно не посылают телеграммы.

Они вообще редко делают что-нибудь полезное после оформления акта. Лежат, занимают землю, портят настроение родственникам. Иногда удобряют почву. Но это работа медленная, без подписи получателя и с непредсказуемым результатом.

Мой отец отличался дисциплиной при жизни.

После смерти он превзошёл себя.

Телеграф НЗ-1 застучал в четыре двадцать утра. Я спал на мешках с гороховой мукой в бывшей диспетчерской Затвора и сначала решил, что это Мотя опять чинит линию. Мотя считал исправной любую машину, которая после его вмешательства производила больше звука, чем до него.

Потом лента полезла из приёмника.

Не наша бумага. Узкая, военная, с красной полосой по краю. Такой рулон стоял в аппарате с довоенных времён и должен был закончиться ещё восемь лет назад. Видимо, запас оказался неприкосновенным. Бумага пережила государство, три эпидемии и двух начальников связи.

Я сел.

Аппарат выбил адрес:

К-17. ИЛЬЯ ГОРИН. ЛИЧНО.

Потом пауза. Контакты щёлкали, будто отправитель вспоминал, зачем разбудил человека на другом конце области.

ИЛЬЯ. Я УМЕР ВОСЕМЬ ЛЕТ НАЗАД. НЕ ВЕРЬ ТОМУ, КТО ВЕРНЁТСЯ С МОИМ ЛИЦОМ. НЗ-3 НЕ ХРАНИТ МЁРТВЫХ. ОН ДЕЛАЕТ ИЗ НИХ ЗАПАС.

Подпись пришла последней.

ТВОЙ ОТЕЦ.

Я прочёл дважды.

На третий раз слова не изменились. Это было невежливо с их стороны.

Приёмник закончил передачу и выбил контрольную строку:

ОТПРАВИТЕЛЬ: СЕРГЕЙ ГОРИН. КАДРОВЫЙ ПРОФИЛЬ 74%.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС: СМЕРТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА 11.06.2078.

УЗЕЛ: НЗ-3. СЕВЕРНЫЙ КОНТУР.

ДОСТАВКА: 71 ЧАС 18 МИНУТ.

Почти трое суток в дороге.

Я оторвал ленту.

Пальцы дрожали. Совсем немного. Если держать бумагу за края, можно было списать на холод.

В диспетчерской действительно было холодно. Стекло заменяла доска, между рамой и стеной дуло.

Я приложил два пальца к шее.

Пульс семьдесят шесть.

Высоковато для человека, получившего семейные новости. Низковато для покойника.

— Ещё живой, — сказал я.

Телеграф не возражал.

На стене висел открытый журнал потерь.

Моя строка была ниже:

К-17. ОСТАТОК СТАБИЛЬНОСТИ ПО ИЗМЕРЕНИЮ НЗ-1: 17 ДНЕЙ 8 ЧАСОВ. ПРОГНОЗ НЕ ПОДТВЕРЖДЁН НЕЗАВИСИМО.

Запись повторно подтвердили три дня назад. После разделения исходный срок почти не убывал: прибор считал не календарь, а устойчивость симбионта при текущей нагрузке.

Я всё равно взял карандаш и вычел.

14 ДНЕЙ 8 ЧАСОВ.

Потом зачеркнул.

Прибор НЗ-1 показывал не срок жизни. Только прогноз промежутка, в котором симбионт обещал не переделывать меня быстрее, чем тело успевало возражать. Обещание исходило от машины, до этого использовавшей людей как складские единицы. Доверять ему стоило примерно как Моте возле парового котла.

И всё же цифру я переписал.

РАСЧЁТНЫЙ ОСТАТОК: 14 ДНЕЙ 8 ЧАСОВ.

Под ней добавил:

ПОЛУЧЕНО СООБЩЕНИЕ ОТ ЛИЦА СО СТАТУСОМ «МЁРТВ».

Так выглядело глупо.

Зато точно.

За дверью послышались короткие ровные шаги.

Вера вошла без стука.

На ней была слишком широкая рабочая куртка и одна шерстяная перчатка. После НЗ-1 память возвращалась отдельными вещами без полок.

Она посмотрела на телеграф.

— Север проснулся.

— Я заметил.

— Нет. Ты заметил сообщение.

Вера подошла к стене и прижала ладонь к доске. Под штукатуркой проходил старый провод. Он не был подключён к её пластине, но после разделения сети понятие «подключён» стало слишком оптимистичным.

Зелёное кольцо вокруг её зрачков расширилось.

— Там много голосов, — сказала она.

— Сколько?

— Не людей.

— Это не число.

— Тогда двенадцать тысяч четыреста.

Я посмотрел на ленту.

— Ты знала до передачи?

— Услышала, когда узел дал питание. Сначала комнаты. Потом имена. Они лежали друг на друге.

— Имена умеют лежать?

— В сети умеют.

Она сняла ладонь. На коже осталась серая пыль.

— Один голос назвал тебя.

Я протянул ленту.

Вера прочла. На словах «твой отец» остановилась.

— Он так говорил?

— Отец?
— Называл себя отцом.
— Нет.
— Тогда сообщение не его, — сказала Вера.
— Или он старается быть понятным.
— После смерти?
— Появилось свободное время.
Она не улыбнулась.

До НЗ-1 Вера пропускала половину шуток, потому что слушала слова слишком буквально. После НЗ-1 слышала слишком много смыслов и не выбирала, какой мой.

— Там два Сергея Горина, — сказала она.
— Две записи?
— Два голоса. Один слабый. Семьдесят четыре. Второй глубже, закрыт. Он знает пароль

К-17.

Я встал слишком быстро. Комната сдвинулась вправо. Пришлось опереться на стол.

Вера не подошла. После медицинского сектора она всегда ждала, прежде чем касаться человека. Не из холодности. Проверяла, чей импульс заставляет поднять руку.

— Какой пароль?
— Не слышу. Только место, где он есть.
— Очень полезно.
— Я не справочник.
— Раньше была удобнее.
— Раньше у меня было меньше людей в голове.

Я сложил ленту пополам. Потом ещё раз.

Бумага треснула на сгибе.

Отец умер восемь лет назад. Я видел тело. Не сразу. Через девять дней после аварии на НЗ-12, когда воздух в техническом секторе стал пригоден для человека без немедленной смены профессии на покойника.

Сергей лежал возле аварийного разделителя. Левая рука обгорела до кости. На правой сохранилось обручальное кольцо, хотя мать умерла раньше. Я снял кольцо. Не ради памяти. На Затворе за золото можно было получить две недели крупы.

Потом не обменял.

Кольцо лежало в маленькой жестяной коробке под моей койкой.

Никому не рассказывал.

— Можно проверить, — сказала Вера.

— Уже проверяем.

Я достал из шкафа переносной набор связиста. После возвращения Оля подписала каждый инструмент: щуп, отвёртка, изолента, запасная лампа. На изоленте тоже написала «ИЗОЛЕНТА». Нестеровская школа не исчезала быстро. Зато теперь никто не мог сказать, что не знал назначения.

Снял крышку телеграфа.

Клемма северного канала была горячее. Напряжение стабильное. Печатающее колесо хранило последние знаки; я прокрутил его вручную. Никакой подмены внутри аппарата. Сообщение пришло по линии.

— НЗ-1 мог отправить? — спросила Вера.
— После разделения северный канал считался физически закрытым.
— Считался.
— Спасибо.
— Пожалуйста.

Она села на мешок. Гороховая мука поднялась вокруг белой пылью.

— Если он вернулся, ты хочешь увидеть?

— Нет.

Ответ вышел быстро.

Правильные ответы вообще быстрые. Правда обычно догоняет позже, запыхавшись и злая.

— Поедешь, — сказала Вера.

— Сначала разбудим Раду.

— Это не ответ.

— Совет решит.

— Илья.

— Что?

— Ты поедешь, даже если совет запретит.

Я закрыл телеграф.

— Поэтому разбудим совет. Пусть запретит при свидетелях.

Вера поднялась.

На пороге остановилась.

— Второй Сергей знает ещё что-то.

— Что?

— Он считает тебя ребёнком.

— Мне тридцать четыре.

— Его это не интересует.

Она ушла искать Таю.

Я остался с сообщением.

У отца было несколько способов позвать меня. В детстве — два удара костяшками по косяку. На работе — фамилия. Когда сердился — полное имя и отчество, хотя отчество у меня было его же. «Илья Сергеевич» означало: сейчас ты узнаешь, как неприятно носить часть моего имени.

«Сын» он сказал один раз.

В день, когда я впервые вошёл в НЗ-12 как ученик сроковщика. Мне было двенадцать. Он выдал белый халат, показал лабораторию и сказал:

— Сын, здесь срок пишут не для товара. Для того, кто его съест.

Потом заставил выбросить ящик тушёнки из начальственного резерва. Банки были вздуты. Начальник кричал, что это стратегический запас и срок продлевается приказом.

Отец ответил:

— Ботулизм приказ не читал.

Эту фразу знали многие.

Но перед тем, как выбросить последнюю банку, он незаметно процарапал на доньшке букву «П».

Почему — объяснил только мне.

Я вернул крышку аппарата и подключил ручной передатчик.

Адрес НЗ-3 не принимал обычные запросы. На военной колодке было шесть гнезд. Три мёртвых, одно замкнуло на корпус, пятое дало тон. Я набрал идентификатор К-17.

Пластина под кожей отозвалась жаром.

Не боль. Пока.

Аппарат запросил текст.

Я написал:

СЕРГЕЮ ГОРИНУ. ЧТО ОЗНАЧАЛА БУКВА «П» НА ПОСЛЕДНЕЙ БАНКЕ?

Подумал и добавил:

ОТВЕТ НЕ ПЕРЕДАВАТЬ ИЗ АРХИВА.

Это было бессмысленно. Если НЗ-3 хранил нейронную матрицу отца, архив и являлся отправителем.

Но иногда бессмысленная надпись заставляет человека задуматься. Машину — реже.

Передача ушла.

Срок доставки в одну сторону: от пятидесяти минут до трёх суток, в зависимости от состояния реле. Очень удобно для разговора с семьёй. Можно успеть пожалеть о вопросе до ответа.

Я взял кружку. Смородиновый лист остыл и отдавал железом. Выпил.

Потом пошёл будить Раду.

Она уже не спала.

В комнате совета горели две лампы. На столе лежала карта северной ветки, поверх неё — хлебный нож и половина буханки. Рада резала пайки. У власти после Цветения были разные обязанности. Одни назначали министров. Другие делили хлеб так, чтобы крайний кусок не оказался вдвое толще среднего.

Соя сидел напротив и считал банки.

Мотя держал шестерню.

Я посмотрел на него.

— Зачем?

— Совет.

— Шестерня голосует?

— Она от северного привода.

— От нашего северного привода.

— Пока нашего.

Рада протянула руку.

— Давай.

Я отдал ленту.

Она прочла молча. Соя встал рядом. Мотя вытянул шею, шестерню не положил.

— Отец точно умер? — спросила Рада.

— Я проверял.

— Как сроковщик или родственник?

— Восемь лет назад разница была меньше.

— Тело?

— Похоронили возле НЗ-12.

— Голова была?

— Рада.

— Мне для дела.

— Была.

— Пластина?

— Не нашёл.

Соя забрал сообщение.

— Семьдесят четыре процента чего?

— Нейронной матрицы, — сказала Вера от двери.

Тая вошла следом. Полностью одетая, винтовка за спиной. У Таи существовало два состояния: готова идти и уже ушла. Сон был короткой неисправностью между ними.

Кочет появился последним. На одной ноге сапог, на другой шерстяной носок. Держался за косяк так, будто просто решил проверить прочность здания.

— Без меня покойников делите? — спросил он.

— Тебе лежать велели, — сказала Тая.

— Лежал. Не помогло.

Лида пришла за ним с бинтом в руке.

— Если шов разойдётся, я зашью вместе с рубашкой.

— Рубашка казённая.

— Тем более.

Кочет сел. Лицо стало серым, но выругался он только шёпотом. Это считалось улучшением.

Рада положила ленту на карту.

— Что такое НЗ-3?

Мария ответила из тёмного угла:

— Узел восстановления непрерывности.

Я не заметил её сразу. Она спала там на сундуке, укрывшись старым знаменем. После уничтожения собственного архива Мария плохо переносила отдельные комнаты. Говорила, стены забывают быстрее людей.

Она подошла к столу. Под мышкой новая тетрадь. На обложке собственноручно:

МАРИЯ КРЕЧЕТОВА. ТЕКУЩАЯ ВЕРСИЯ.

— Восстановления чего? — спросила Рада.

— Управления. Персонала. Производственных цепочек. После массовой гибели.

— Мёртвых?

— В проектных документах писали «функциональной личности».

— Значит, мёртвых, — сказал Кочет.

Мария посмотрела на ленту.

— Моя копия тоже в вагоне.

— Шестьдесят семь процентов, — сказала Вера.

Мария повернулась к ней.

— Ты видишь опись?

— Слышу, как её проверяют.

— Что копия помнит?

— Не знаю.

— Спроси.

— Я не говорю с ней.

— Почему?

— Она говорит моим голосом.

В комнате стало тихо. Даже Мотя перестал переключать шестерню из руки в руку.

Рада разрезала последний кусок хлеба пополам. Одну половину отдала Кочету, вторую Лиде.

— Что будет, если ничего не делать?

— НЗ-3 начнёт восстановление, — сказала Мария.

— И?

— Не знаю. В НЗ-1 военный архив был изолирован. Я видела только ссылки. «Банк носителей». «Учебный город». «Право последнего».

— Последнего кого?

— Не помню.

Она записала вопрос в тетрадь.

Соя развернул карту. Северная ветка шла от Затвора через Крапивно, Створ, старый торфяной комбинат и дальше в леса, где довоенные обозначения заканчивались. До НЗ-3 по рельсам — около четырёхсот километров. При исправном пути маневровый вагон прошёл бы за шесть суток. Наш путь исправным считался только на бумаге, которая не ездила.

— Вагон три добрался за одиннадцать дней, — сказала Оля.

Она стояла рядом с матерью. Серую диспетчерскую форму больше не надевала; на ней была синяя куртка железнодорожника с закатанными рукавами. Волосы обрезаны неровно. Лида смотрела на неё часто, но не долго. Училась не превращать взгляд в поводок.

— Локомотив шёл по военному приоритету, — продолжила Оля. — Сигналы открывались автоматически. Нам придётся подтверждать каждый блок вручную.

— Сколько?

— Если мосты целы — восемь дней. Если нет — сколько угодно.

— У Ильи четырнадцать, — сказала Рада.

Никто не спросил, откуда знает. Журнал висел у всех на виду.

— Это прогноз, — ответил я.

— Ты сам его обновил.

— Для порядка.

— Порядок тебя убьёт аккуратно.

Кочет жевал хлеб.

— Значит, едем быстро.

Лида посмотрела на него.

— Ты не едешь.

— Это ещё почему?

— У тебя дренаж в груди, температура тридцать семь и восемь и заживший шов только с одного края.

— Второй догонит.

— На кочке?

— На северной ветке кочек нет. Там рельсы.

Оля сказала:

— На северной ветке рельсов местами тоже нет.

— Вот. Даже безопаснее.

Тая взяла сообщение и прочла контрольную строку.

— Кто поедет, решим после задачи. Пока задачи нет.

— Проверить НЗ-3, — сказал я.

— Это направление.

— Остановить восстановление.

— Это предположение.

— Вытащить Анну Рощину.

Мария подняла голову.

— Откуда имя?

— В служебном хвосте сообщения. Дежурный отправитель.

Я показал оборот ленты. Мелкие знаки печатались зеркально; их можно было прочесть у окна.

— Анна отказалась подтверждать восстановление, — сказал я. — Потом система запустила нижний контур без неё.

— Значит, задача — установить, кто там принимает решения, — сказала Тая. — Если никто, остановить процедуру. Если люди — разговаривать.

— С мёртвыми?

— С теми, кто отвечает.

— В сообщении ответственный умер.

— Это его проблема.

Рада провела пальцем по карте.

— Нам нужны люди здесь. Линия даёт семьдесят четыре банки за смену. Крапивно обещало вернуть батарею через четыре дня, но у них заболели ещё двое. Северные беженцы съели

запас крупы на неделю. Нина держится на новом инсулине, а ещё троим дозу подбирают. Если вы увезёте врача, путевого оператора, двух К-носителей и единственного человека, который понимает военные архивы, Затвор станет свободным, самостоятельным и очень недолго живым.

— Я врач, — сказала Лида.

— Именно.

— На НЗ-3 двести девятнадцать тел в банке носителей.

Все посмотрели на Веру.

Она закрыла глаза.

— Двести девятнадцать, — повторила. — Семьдесят три стабильны. Остальные... ждут.

— Чего?

— Не знаю.

Лида уже решила. Это было видно по тому, как она поправила сумку на плече.

— Там нужен врач.

— Здесь тоже, — сказала Рада.

— Здесь есть Глеб, Рада и две обученные помощницы. Там — одна дежурная и тела, в которые загружают людей.

— Тела живые?

— Если обмен веществ идёт — да.

— А люди в них?

— Этого я и не знаю.

Рада посмотрела на Олю.

— Ты?

— Северные блоки принимают старую диспетчерскую функцию, — ответила Оля. — Кроме меня, открыть их может Нина. У неё инсулин только настроили. Или Нестеров.

— Нестеров не поедет.

— Тогда я.

Лида ничего не сказала.

Это было труднее запрета.

Соя постучал карандашом по столу.

— Допустим, отправляем семь человек. Чем питаем?

— Девять, — сказал Кочет.

— Кто ещё?

— Я и винтовка.

— Винтовка не ест.

— Поэтому полезнее меня.

Тая посмотрела на его грудь.

— Поедешь до Крапивного. Если температура не снизится — останешься там.

— Снизится.

— Это приказ?

— Организму.

— Он тебя не слушает.

— Никто не слушает. Я привык.

Соя записал девять рационов, потом зачеркнул и написал восемь. Кочет заглянул.

— Почему восемь?

— Винтовка не ест.

— А я?

— Ты до Крапивного.

— Сволочи.

Это было первое громкое ругательство за утро. Лида сочла состояние удовлетворительным.

Рада открыла журнал решений.

— Голосуем не за поездку. За расход.

— Какой?

— Восемь человек на десять дней. Сто шестьдесят пайков. Маневровый вагон, уголь, путевой комплект, половина медицинского резерва Лиды, один К-ключ Затвора. И отсутствие этих людей здесь.

— Чёрный ключ уже был дан мне на прошлую дорогу, — сказал я.

— Он принадлежит Затвору.

— Временно.

— Всё принадлежит временно. От этого долги не исчезают.

Она написала цифры крупно.

— Вы привезли лекарства и право жаловаться. Хорошо. Теперь первое серьёзное решение после НЗ-1 — отдать часть спасённого ради сообщения покойника.

— Ради двенадцати тысяч четырёхсот профилей, — сказала Мария.

— Они живые?

— Не знаю.

— Ради двухсот девятнадцати тел?

— Не знаю.

— Ради отца Ильи?

Мария посмотрела на меня.

— Он умер.

— Это я уже слышала. Не мешает ему портить нам утро.

Рада положила карандаш.

— По правилам Затвора расход подтверждают отправитель, исполнитель и тот, кто остаётся без ресурса. Отправитель мёртв. Исполнители здесь. Без ресурса остаёмся мы.

— И?

— До полудня открытое собрание. Люди услышат цену. Если большинство против, ключ не дам.

— А мы всё равно поедem, — сказала Вера.

Рада посмотрела на неё.

— Ты теперь всегда говоришь за Илью?

— Нет. Иногда он думает громко.

Я хотел спросить, шутит ли она.

Не стал.

— До полудня проверим сообщение, — сказал я. — Найдём второй канал. Свяжемся с НЗ-1. Нестеров может знать НЗ-3.

— Нестеров много знает, — ответила Рада. — Поэтому сидит под охраной.

— Знание пока не запрещено.

— Не давай ему идей.

Собрание закончилось не решением, а списком работ. Так обычно и заканчиваются честные собрания.

Оля пошла к путевому шкафу. Соя — на склад считать уголь. Тая отправила двух затворцев проверять маневровый вагон и заставила Кочета вернуться в лечебницу. Он ушёл сам, чтобы не считалось, что заставили.

Лида двинулась следом.

Мария осталась у карты.

— Если там моя копия, — сказала она, — я должна ехать.

— Почему?

— Чтобы она не отвечала за меня.

— Ты отвечаешь за неё?

— Не знаю.

— Тогда у вас уже есть общее.

Мария записала и это.

Вера всё ещё стояла возле провода.

— Север проверяет линию, — сказала она.

— Нас?

— Ключи. Чёрный видит. Серый тоже. Зелёный потерян после разделения.

— Зелёный в тебе.

— Это не одно и то же.

Под кожей у неё на запястье проступил бледный квадрат. Потом исчез.

— В НЗ-3 шесть мёртвых К-носителей, — сказала Вера. — Их пластины работают.

— В описи было шесть.

— Теперь пять.

— Куда делся шестой?

Она открыла глаза.

— Встал.

Мёртвые не должны вставать до завтрака.

После тоже нежелательно, но утром у человека меньше терпения.

Мы пошли в узел связи.

Оля уже сняла крышки с двух путевых шкафов. В одном копошилась сама, во втором лежал Мотя, наполовину исчезнув между кабелями. Шестерню он всё-таки принёс. Теперь примерял к приводу селектора.

— Не подходит, — сказал я.

— Пока.

— Она от другого механизма.

— Все механизмы сначала другие.

— Убери.

— Я только посмотрю.

Оля протянула руку, не оборачиваясь.

Мотя вздохнул и отдал шестерню. Она положила её на пол за пределами досягаемости. В отношениях с машинами Оля применяла ту же систему, что Тая с оружием: сначала разряжала человека.

— Северный канал держится, — сказала Оля. — Военный приоритет с НЗ-3 прошёл через три мёртвых реле.

— Как мёртвые реле передали сигнал?

— Не передали. Сигнал пришёл по рельсам.

— По тяговой цепи?

— По металлу. Пластины К-линии умеют использовать путь как общую антенну. Дальность плохая, скорость ещё хуже.

— Семьдесят один час.

— Это быстро. Последняя служебная отметка от вагона три шла пять суток.

Она показала ленту регистратора.

**СОСТАВ 03. ПРИБЫТИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО. ГРУЗ ПРИНЯТ. ЭКИПАЖ: 6.
ЖИВЫЕ: 0. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ: 6.**

Ниже новая строка:

К-03. ПЕРЕНОС ЗАВЕРШЁН.

— Это тот, кто встал? — спросил Мотя.

— Похоже.

— А тело откуда?

Вера ответила:

— Ждало.

Мотя вылез из шкафа.

— Люди там хранятся пустые?

— Так написано.

— Пустой человек — это труп.

— У трупа сердце не бьётся, — сказала Лида от двери.

Кочета рядом не было. Значит, она всё-таки уложила его или привязала. Оба вариантагодились.

— А если бьётся и ничего не думает? — спросил Мотя.

— Кома. Тяжёлое повреждение. Лекарственный сон. Глубокая задержка развития. Много состояний.

— В какое можно вставить другого человека?

— Ни в какое.

— Машина вставила.

— Поэтому я еду.

Лида взяла ленту за угол, не касаясь слов пальцами.

— «Перенос завершён» не значит, что тело очнулось. Нейронная матрица может разрушиться, вызвать судороги, отёк, кому. Мы не знаем способа записи.

— Мария знает, — сказал я.

— Частично.

Мария присела возле путевого шкафа. Провела пальцем по разъёму.

— В НЗ-1 корректировка усиливала или подавляла существующие связи. Здесь проектировали полную функциональную загрузку. Но человеческий мозг не чистый лист. Даже выращенный. Он должен научиться дышать, двигаться, различать боль до матрицы.

— Значит, внутри уже кто-то есть, — сказала Лида.

— В документах — фоновая активность.

— Я не документы спрашиваю.

— Я не помню другого ответа.

Оля включила передатчик НЗ-1.

После разделения локальные контуры связывались по расписанию: пятнадцать минут каждые три часа. Иначе старые системы начинали обмениваться не только сообщениями, но и полномочиями. Вчера Крапивно запросило прогноз погоды и чуть не получило право распоряжаться вагоном с антибиотиками.

До окна связи оставалось семь минут.

Мы ждали.

Время можно было использовать разумно. Я проверил батарею, переписал контрольный номер сообщения, осмотрел пластину на своей руке. Вера смотрела на север и шевелила губами без звука. Мотя тянулся к шестерне ногой. Лида заметила и отодвинула дальше.

Семь минут — небольшой срок.

Если ждёшь ответ от человека, который однажды собирался превратить твой дом в донорский участок, растягивается.

Реле щёлкнуло.

На экране появился оператор НЗ-1. Молодой парень с красным следом от подушки на щеке. После разделения сеть больше не подбирала людей по красивой функции. Ночные дежурные имели право выглядеть так, будто ночью дежурили.

- Затвор, приём.
- Нужен Нестеров.
- Основание?
- НЗ-3 активирован. Восстановлен профиль К-03. Получено сообщение от Сергея

Горина.

- Сон со щеки оператора исчез.
- Повторите последнее.
- Не хочу. Позовите Нестерова.
- Он под охраной.
- Пусть охрана тоже послушает.
- Экран погас.

Через две минуты вернулся Нестеров. На нём была простая рубашка без знаков. За плечом стояла Нина У-14 с винтовкой и бумажным журналом. Инсулин она получила, фамилию ещё не выбрала.

- Илья, — сказал Нестеров.
- Павел.

Он заметил Веру и Марию.

- Покажите сообщение.

Я поднёс ленту к камере.

Нестеров читал дольше, чем требовалось. На строке К-03 попросил приблизить.

- Что значит номер? — спросила Рада.

— Александра Константиновна Веденеева, — ответил он. — Начальник Северного управления непрерывности. Ключ стратегического командования.

- Умерла?
- По архиву — через шесть недель после Цветения.
- Теперь нет.
- Биологически это другой носитель.
- Очень успокаивает.

Нестеров посмотрел на Марию.

- В вагоне была военная копия?

- Была. И моя.

- Я не отправлял состав.

- В накладной вы.

— Маршрут сформировал региональный контур при разделении. Моя подпись стояла на исходном плане мобилизации.

- План пережил ваше мнение, — сказала Рада.
- Поэтому мы разделили сеть.
- Мы разделили. Вы мешали.
- Верно.

Нестеров научился соглашаться без немедленного выигрыша. Или откладывал выигрыш. С ним разница обнаруживалась после инвентаризации.

- Что умеет НЗ-3? — спросил я.
- Восстанавливать квалифицированный персонал из нейронных матриц.
- Людей?
- В документах разницы нет.
- А у вас?

Он помолчал.

- Есть.

- Когда появилась?

— После Лиды.

Лида стояла вне камеры. Услышав имя, шагнула ближе.

— Я не восстановленная.

— Вы несколько раз корректированная личность. Это другой процесс, но тот же вопрос: сколько изменений выдерживает человек, прежде чем мы называем его новым.

— И сколько?

— Не знаю.

— Наконец полезный ответ.

Нестеров продолжил:

— НЗ-3 строили на случай обезглавливания управления. Умершие специалисты получали биологические носители, ускоренное обучение и прежние уровни доступа. Проектный резерв — двенадцать тысяч четыреста профилей.

— Вера слышит столько же.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Носителей?

— Двести девятнадцать, — сказала Лида. — Семьдесят три стабильны.

Нестеров впервые испугался.

Небольшое движение: нижняя губа прижалась к зубам. Человек мог не заметить. Я восемь лет проверял банки по изменению крышки на доли миллиметра.

— Что? — спросил я.

— Проект закрыли до серийного запуска. Банк носителей не должен быть заполнен.

— Но заполнен.

— Значит, НЗ-3 продолжал выращивание после Цветения.

— На чём?

— Питательные среды, эмбриональные линии, гормональные каскады. Энергия от северного реакторного узла.

— За восемь лет они вырастили взрослых людей?

— Ускоренный цикл — тридцать четыре месяца до физиологического возраста двадцать лет. Дальше созревание нервной системы в сенсорной среде.

— То есть они что-то помнят до загрузки.

— Фоновые реакции.

Лида наклонилась к камере.

— Скажите ещё раз, и я приеду обратно только затем, чтобы ударить вас.

— Это термин проекта, не мой вывод.

— Тогда используйте свой.

Нестеров посмотрел в сторону. Нина за его плечом записывала каждую фразу.

— До загрузки у носителя есть обученная нервная система, — сказал он. — Степень самостоятельной личности мне неизвестна.

— Лучше.

— Хуже, — ответил я.

Если тело было пустым, процедура походила на изготовление сложного протеза. Неприятно, дорого, но понятно. Если внутри уже кто-то жил, отец возвращался не из смерти.

Он выселял другого.

— Как остановить? — спросила Тая.

Нестеров перевёл взгляд на неё.

— Военный контур не подчиняется локальным советам. Нужен стратегический ключ К-03, физическое отключение реактора или согласованное решение трёх активных К-носителей.

— Опять три.

— Архитекторы любили число, которое выглядит как защита от одного идиота.
— А получили трёх?
— Обычно одного с тремя подписями.
Мария спросила:
— Я могу подписать остановку?
— Ваша текущая матрица повреждена. Военная копия может иметь более высокий приоритет.
— Она — запись.
— Для системы запись старше и целее.
Мария открыла тетрадь.
— Значит, она может отменить меня.
— В рамках служебной функции.
— Я не спрашивала рамки.
Нестеров не ответил.
— К-17 и К-49? — спросил я.
— Если НЗ-3 признает ваши ключи. После разделения статус мог измениться.
— А если Веденеева уже в теле?
— Она получит полномочия, которые имела на дату снимка.
— Восемь лет назад.
— Государственная непрерывность строилась именно ради этого.
Рада усмехнулась.
— Государство умерло, а начальник нет. Хорошая конструкция.
— Она спасёт объект, — сказал Нестеров.
— От кого?
— От людей, которые не знают устройство реактора, банка тканей и зимнего контура. От ошибки дежурного. От голода. От нас, если мы придём с единственным планом всё выключить.
Тая кивнула.
— Поэтому сначала разговаривать.
— С Веденеевой нельзя торговаться как с Нестеровым, — сказала Мария. — Она считает сам факт восстановления подтверждением полномочий.
— Ты её знала?
— Не помню.
— Копия помнит, — сказала Вера.
Мария стиснула карандаш.
— Не говори за неё.
— Я не говорю. Она зовёт тебя.
Связь дрогнула. На экране пошли полосы.
— Окно закрывается, — сказала Оля.
Я спросил быстро:
— Отец участвовал в проекте?
Нестеров не успел спрятать ответ.
— Да.
— В каком качестве?
— Архитектор контроля срока матриц и один из разработчиков К-линии.
— Почему я не знал?
— Возможно, знал.
— Что это значит?
— К-17 создавали раньше, чем вы пришли работать сроковщиком.
Изображение рассыпалось.

Последней осталась половина лица Нестерова и его голос:

— Спросите Сергея о детской записи.

Экран погас.

Я стоял перед чёрным стеклом.

В нём отражался человек с моим лицом. Пока.

— Какая детская запись? — спросила Рада.

— Не знаю.

— Ты снова быстро ответил, — сказала Вера.

— Потому что не знаю.

— Ты боишься, что знаешь.

— А ты теперь врач?

— Нет. Просто внутри тебя сигнал усилился.

— Не слушай.

— Он сам.

Я вышел из узла связи.

На улице светало. Затвор просыпался запахом дыма и каши. Люди шли к линии, к лечебнице, к воротам. Восемнадцать беженцев, принятых на дороге, ночевали в бывшем клубе. Четверо их спутников ещё у развилки решили ждать другую группу и в Затвор не приехали. Эти восемнадцать пока остались; утром Рада собиралась снова спросить каждого. Раньше их распределили бы по функциям. Теперь Рада велела спрашивать каждый день, пока ответ не перестанет быть ответом из страха.

У пищевой линии звякнула первая банка.

Соя поставил на весы.

Четыреста восемьдесят семь граммов.

— Норма, — сказал он.

— Проверь шов.

— Уже.

— Кислотность?

— Илья, иди собирай покойников. Банку мы как-нибудь сами.

Он говорил спокойно. От этого обиднее.

Я пошёл в бывший дом отца.

После его смерти там жил я. Потом дом отдали семье с тремя детьми, а мои вещи перенесли в диспетчерскую. Жестяную коробку я оставил под половицей. Не потому, что собирался вернуться. Просто некоторые вещи безопаснее хранить там, где их уже потерял.

Дверь открыла девятилетняя Люська.

— Нужна вещь из пола, — сказал я.

— Пол наш.

Она пропустила меня за половину сухаря и медную пуговицу. Новое право собственности работало быстрее старого, если дать ему завтрак.

Мать Люски спала у печи с младшим ребёнком. Я снял доску возле стены. Коробка была на месте. Ржавая, в серой пыли.

Внутри кольцо, лабораторная игла, две старые пломбы и маленькая алюминиевая пластинка. На пластинке отец однажды записал резервный код НЗ-12, потом перечеркнул. Я хранил не код. Его почерк.

Она взяла сухарь.

Я надел кольцо на мизинец. На безымянный не налезло. Восемь лет металл сохранял размер лучше людей.

На внутренней стороне была царапина. Не буква. Три короткие линии и одна длинная.

В детстве отец учил меня проверять закрытые партии. Если начальник требовал подписать непроверенное, сроковщик ставил на доньшке «П» — подозрение — и рядом код причины. Три короткие, одна длинная означали: документ совпадает, содержимое нет.

Последняя банка была исправной. Отец всё равно отметил её.

Потому что внутри вместо тушёнки лежал свёрток.

Я вспомнил сейчас.

Не фразу. Руки. Отец отвернулся, пока я доставал из банки тонкую пластину. Сказал: «Если когда-нибудь тебе покажут правильную опись, проверь, кого положили внутрь».

Пластину потом забрал.

Что на ней было, я не видел.

Или видел.

Под кожей на предплечье стало горячо.

Я сел на пол.

Люська перестала жевать, посмотрела на меня и выбежала за врачом.

Через минуту пришла Лида. Не одна — с Верой и Таей. Затвор ещё не восстановил государство, зато доносительство работало без линии.

Лида измерила пульс, посмотрела зрачки, провела иглой по коже.

— Что было?

— Воспоминание.

— Своё?

— Пока да.

— Тошнота?

— Нет.

— Запахи?

— Пыль. Сухарь. Вера не мыла волосы.

Вера понюхала рукав.

— Мыла.

— Значит, нос.

Лида увидела кольцо.

— Его?

— Да.

— Это доказательство?

— Нет. Вопрос.

Я рассказал про банку и код.

Тая слушала, присев на корточки. Она умела не заполнять паузу советом. Редкая военная специальность.

— Нестеров сказал о детской записи, — произнесла она. — Отец спрятал пластину в банке. Тебе было двенадцать. К-17 уже существовал.

— Совпадает.

— Не всё, что совпало, правда.

— Знаю.

Вера стояла возле окна.

— Второй Сергей открылся на секунду.

— Что услышала?

— «Потому что сын не должен быть запасной копией отца».

Комната стала меньше.

Лида спросила:

— Ты уверена в словах?

— Нет.

— В смысле?

— Это могло быть воспоминание. Его или Ильи. Они идут по одной линии.

— Я не слышал.

— Ты не всё слышишь в себе.

— Очень утешительно.

Лида сняла с пояса небольшой прибор НЗ-1. Мы взяли его из медицинского сектора. Он измерял активность симбионта по теплу, электрическому отклику и ещё двум показателям, названия которых пережили специалистов.

Положила контакты мне на шею и запястье.

Экран подумал.

К-17. СТАБИЛЬНОСТЬ: 82%.

ОЖИДАЕМЫЙ ПЕРЕХОД: 14 ДНЕЙ 5 ЧАСОВ.

— Три часа прошло, — сказал я.

Лида не убрала прибор.

Ниже появилась новая строка:

ВНЕШНЯЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ: СЕВЕРНЫЙ ПРОФИЛЬ.

КОЭФФИЦИЕНТ УСКОРЕНИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

— Это раньше было? — спросила Тая.

— Нет.

Вера подошла ближе.

Прибор мигнул.

ОБНАРУЖЕН СВЯЗАННЫЙ ПРОФИЛЬ: СЕРГЕЙ ГОРИН.

ВЕРСИЙ: 2.

Я снял контакты.

— Собрание в полдень, — сказал я. — До него нужно подготовить вагон.

— Это медицинское решение? — спросила Лида.

— Нет.

— Тогда моё: поедешь. Я тоже.

— Рада обрадуется.

— У неё будет возможность пожаловаться до отъезда.

Мы вернулись на площадь.

К полудню там собралось двести семьдесят человек. Почти весь Затвор, кроме дежурных, больных и тех, кто понял свободу как право не ходить на собрания. Раньше таких записали бы отсутствующими по неуважительной причине. Теперь им оставляли место в списке решений и последствия.

Рада стояла на деревянном ящике. Рядом карта, телеграфная лента и расходная ведомость.

Она не рассказывала про чудо, отца и возвращение мёртвых. Прочла сообщение. Потом цифры.

— На дорогу уйдёт сто шестьдесят пайков, — сказала она. — Если задержатся — больше. Уголь — две тонны. Маневровый вагон останется на севере минимум двадцать дней. Лида Сомова уедет, в лечебнице останутся Глеб и две помощницы. Ольга Сомова уедет, северную стрелку будет вести Нина. Илья, Вера, Мария, Тая и, если врач по глупости разрешит, Кочет тоже.

— Разрешит, — крикнул Кочет из окна лечебницы.

Лида не обернулась.

— Не разрешит.

Люди засмеялись. Нервно. Хороший смех узнаётся по тому, что заканчивается раньше причины.

Рада продолжила:

— В НЗ-3 двести девятнадцать выращенных тел и двенадцать тысяч четыреста записей умерших. Мы не знаем, люди это, имущество или опасная машина. Знаем, что один уже получил тело. Знаем, что человек, назвавшийся отцом Ильи, просит ему не верить.

— Отличная рекомендация, — сказал кто-то.

— Вот и я думаю.

Соя поднял две дощечки. На одной углём «ДА», на другой «НЕТ».

— Голосуем за расход Затвора, — сказала Рада. — Не за то, обязан ли Илья искать отца. Это его несчастье. Наше — давать ли ему ключ, людей и еду.

Женщина из новых беженцев подняла руку.

— Если там можно вернуть умерших, почему едет только их группа?

— Потому что мы не знаем, можно ли.

— У меня сын погиб год назад.

— Его матрица была в НЗ?

— Не знаю.

— Значит, сейчас никто не знает.

— А если есть?

Рада посмотрела на меня.

Я не хотел отвечать. Поэтому вышел вперёд.

— Если есть запись, она сделана до его смерти. Возможно, за годы до. Она не помнит гибель, вашу жизнь после записи и всё, что изменило его позже. Тело будет не его. Память — часть. Что получится, не знаю.

— Но он скажет моё имя?

— Может.

— Мне хватит.

— Ему может не хватить.

Женщина опустила руку.

С площади спросили:

— А если покойники умеют лечить? Зачем останавливать?

Лида ответила:

— Потому что тело, в которое их записывают, уже живёт.

— Оно думает?

— Не знаем.

— Тогда сначала узнайте.

— Поэтому и едем.

Другой голос:

— НЗ-1 тоже обещал пользу.

— И дал, — сказала Рада. — Инсулин в лечебнице. Семена на складе. Мёртвые в журнале. Всё вместе.

Старик с пищевой линии поднял ладонь.

— Если не пустим, Илья всё равно уйдёт?

Я ответил:

— Да.

— Пешком?

— Если придётся.

— Тогда отдадим пайки. Пеший дурак ест больше.

Это стало первым голосом «да».

Дощечки поднимали по очереди, чтобы Соя успевал считать. Сто сорок восемь за расход. Семьдесят девять против. Тридцать один воздержался. Остальные ушли до конца голосования или считали поднятие руки возвращением государства.

Рада внесла итог в журнал.

— Ключ дадим после описи. Пайки на десять дней. Если найдёте склад, не считайте его своим. Если найдёте людей, не обещайте от имени Затвора. Если найдёте отца Ильи...

Она замолчала.

— Что? — спросил я.

— Пусть сначала вернёт восемь лет пайков.

Собрание разошлось.

Подготовка заняла остаток дня и ночь.

Маневровый вагон Кочет называл «Клопом», хотя от прежнего «Клопа» в нём оставались два рычага, табличка и привычка ломаться после чужой похвалы. Соя поставил новый котёл. Мотя добавил привод питательного насоса и поклялся, что шестерню не использовал.

Я нашёл её внутри запасного ящика.

Оля проверила тормоза, путевые контакты и ручные ключи. Тая распределила оружие: две винтовки, карабин Кочета, три пистолета, сорок семь винтовочных патронов, двадцать девять пистолетных. Два патрона из винтовочного счёта остались её прежними; остальные выдал Затвор под опись экспедиции. После НЗ-1 это казалось богатством. После подсчёта — нет.

Лида взяла антибиотики, перевязочный материал, два флакона фага, инсулин на случай задержки и прибор К-линии. Глеб стоял рядом и молча возвращал половину на полку.

— Это нужно, — говорила она.

— Здесь тоже.

— Там двести девятнадцать пациентов.

— Здесь сто восемьдесят четыре.

— Там один врач неизвестной квалификации.

— Здесь один известной. Я.

Они разделили запас поровну. Потом Глеб незаметно добавил ей три ампулы антибиотика. Лида заметила и вернула одну.

Кочет пришёл на осмотр утром. Температура — тридцать семь и три. Шов сухой, отделяемого по дренажу почти не было; контрольное исследование не показало нарастания воздуха или крови в плевральной полости. Лида сняла дренаж под повязку и разрешила ехать до Створа при условии повторного осмотра в Крапивном. Кочет объявил победу полной.

Мария загрузила пустой чёрный ящик: если её копия захочет уйти из сети. Поместится ли она и стоит ли везти её в Затвор, Мария не знала.

Вера не собирала вещи. Села на ступеньку вагона и смотрела на север. Иногда называла числа.

— Сорок семь.

— Что? — спросил я.

— Живых работников наверху.

Через минуту:

— Двести девятнадцать.

Потом:

— Уже двести восемнадцать.

Лида замерла с сумкой.

— Один умер?

— Или перестал считаться телом.

— Есть разница.

— Для нас.

Телеграф в диспетчерской застучал в девять десять.

Я добежал раньше Оли.

На этот раз ответ шёл коротко. Контакты били по бумаге с паузами, будто рука на другом конце училась пользоваться пальцами.

БУКВА «П» ОЗНАЧАЛА: ПРОВЕРЬ СОДЕРЖИМОЕ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОПИСЬ ВЕРНА.

Я прочёл.

Это мог знать отец.

Могла знать его матрица.

Мог знать архив НЗ-3, если пластина из банки попала туда.

Ответ доказывал только одно: на севере хранилось то, что когда-то находилось у него в голове.

Ни родство, ни жизнь в контрольную сумму не входили.

Ниже появилась вторая строка:

ТЫ НАШЁЛ КОЛЬЦО?

Я сжал левую руку.

Металл давил на мизинец.

О кольце могли знать мать, отец и я. Мать умерла двенадцать лет назад. Отец — восемь. Я никому не показывал.

— Нашёл, — сказал вслух.

Аппарат не слышал.

Я набрал ответ:

ДА.

Перед отправкой добавил:

КТО ТЫ?

Линия приняла.

Срок доставки не показала.

Мы выехали через час.

У ворот Рада отдала чёрный ключ. Не мне — Тае.

— Исполнитель отвечает за расход, — сказала она.

— Илья К-17.

— Поэтому ему ключ не дам. Он увидел отца и уже плохо считает.

— Я ещё не увидел.

— Тем более.

Тая повесила ключ на шнурок под рубашку.

Серый ключ Веры после разделения оказался связан с моей пластиной и оставался у меня как архивный доступ. Чёрный открывал транспорт. Зелёный физически остался в Заречье, но его сетевой контур иногда отзывался через Веру. Иногда она говорила, что это она. Иногда — что часть ключа застряла в сети. Ни один вариант не нравился.

На платформе разместились восемь: я, Вера, Тая, Кочет, Мария, Лида, Оля и Дима-повар. Дима привёз котелок, мешок крупы и единственный вопрос: едят ли двенадцать тысяч покойников.

Соя записал экипаж. В графе «получатель» оставил пусто.

— Правильно, — сказал я.

— Не хвали. Мотя услышит.

Котёл набрал давление. Оля перевела первый рычаг. Вагон дёрнулся и остановился.

Кочет поднял палец.

— Характер.

— Ручной тормоз, — сказала Оля.

Он отпустил.

Второй раз «Клоп» пошёл.

Затвор остался за спиной: ворота, дым пищевой линии, люди на насыпи. Рада не махала. Держала журнал. Мотя рядом всё-таки размахивал шестернёй.

Первые километры путь был знаком. Здесь около недели назад мы везли лекарства и людей. На обочине стояла телега без колеса. Дальше — столб с ручной отметкой Оли. Потом место, где отдали батарею Крапивно.

Новое путешествие началось на старом долге.

К полудню Затвор исчез за лесом.

Вера сидела у передней стены и не сводила глаз с рельсов.

— Север движется навстречу, — сказала она.

— Поезд?

— Человек.

— Один?

— Пока.

— К-03?

— Нет. Она не идёт. Она открывает комнаты.

— Тогда кто?

Вера приложила два пальца к виску.

— Сергей Горин.

Я посмотрел на кольцо.

В этот момент путевой приёмник выбил ответ. Оля сорвала ленту и подала мне.

На ней было три строки.

Я — ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ПОСЛЕ НЕГО.

НЕ ПРИВОЗИ ВЕРУ.

К-03 УЖЕ ПРОСНУЛАСЬ И ЗНАЕТ, ЧТО К-49 МОЖЕТ ОТКРЫТЬ.

Подписи не было.

Вера прочла через плечо.

— Поздно, — сказала она.

Впереди на рельсах загорелся зелёный сигнал.

Северная ветка сама открыла нам путь.

Оля потянула тормоз.

Сигнал сменился на белый.

ВОЗВРАТ НЕ ПРЕДУСМОТРЕН.

Глава 2. Без права возврата

Надпись «возврат не предусмотрен» полезна в трёх случаях.

На дешёвой обуви. На браке. На войне.

В остальных случаях она означает, что продавец, изготовитель или командир заранее знает о товаре больше покупателя.

Оля остановила вагон в семи метрах от белого сигнала.

— Назад можем? — спросил Кочет.

— Механически — да.

— Уже хорошо.

— Стрелка за нами перевелась на север.

— Переведи обратно.

— Ручной привод заблокирован.

— Сломай.

— Это твой ответ на всё?

— Нет. Иногда стреляю.

Тая вышла первой. Проверила насыпь, лес, дренажную канаву. Никого. Белый огонь горел в старом сигнальном стакане без провода питания. Кабель к столбу обрезали много лет назад; медь вынули, изоляцию сожгли.

Вера сидела на платформе, обхватив колени.

— Питание идёт через рельс, — сказала она.

— Мы уже знаем.

— Не электричество.

— Очень помогло.

— Команда.

Я прыгнул. Металл под подошвой был тёплым. Солнце только поднялось, ночной иней ещё держался в тени шпал. Рельс не мог нагреться сам.

Приложил серый ключ.

Пластина вспыхнула.

МАРШРУТ НЗ-3.

ЭКИПАЖ: 8.

К-НОСИТЕЛИ: 3.

ВОЗВРАТ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ПРИЁМКИ ЗАПРЕЩЁН.

— Три? — спросила Тая.

— Я, Вера, Мария.

Мария стояла у двери с пустым ящиком в руках.

— Моя функция повреждена.

— Север считает иначе.

— Пусть перестанет.

— Передам.

Я выбрал строку маршрута. Появились две кнопки: «принять» и «авария».

— Есть отказ? — спросила Оля.

— Есть авария.

— Это не отказ.

— Военная система считает отказ частным случаем аварии.

Тая посмотрела назад. За поворотом уже не было видно Затвора. До первой ручной стрелки — два километра пешком вдоль пути. Можно разобрать тягу, вернуть острия и уехать домой.

Если хочется доказать машине, что человек свободен, приходится тратить уголь.

— Мы сами решили ехать, — сказала она. — Не тратим время на красивый отказ. Но обратный путь должен остаться.

Оля взяла путевой журнал и написала:

БЛОК 01. ПРОПУСК НА СЕВЕР ПРИНЯТ. ЗАПРЕТ ВОЗВРАТА НЕ ПРИНЯТ. ФИЗИЧЕСКАЯ СТРЕЛКА ПОДЛЕЖИТ РАЗБЛОКИРОВКЕ ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ.

Подписалась.

— Теперь что? — спросил Кочет.

— Теперь машина знает, что мы не согласны.

— Ей полегчало?

— Мне.

Она перевела рычаг. «Клоп» прошёл белый сигнал.

За нами огонь погас.

Первые сорок километров северная ветка шла по сухому сосновому лесу. Рельсы сохранились. Шпалы — не все. Местами железо висело над пустотой, и Оля вела со скоростью пешего человека. Кочет лежал рядом на сложенном одеяле и объяснял, что при хорошей машине скорость определяется смелостью. Оля отвечала, что при плохом пути — массой трупов.

Он замолчал на пять минут.

Первую кашу Дима сварил на паре от котла. Она пахла маслом из цилиндра. Дима вылил её и запретил Кочету заниматься экономикой.

Пайки рассчитали на десять дней. Уголь и вещи заняли платформу; людям остался узкий проход вдоль борта.

Я записал расход первой топки.

Сто восемьдесят килограммов на тридцать семь километров.

Выше нормы на двенадцать процентов.

— Северный уклон, — сказал Кочет.

— Его ещё нет.

— Ветер встречный.

— Два метра в секунду.

— Восемь человек.

— По описи столько и было.

— Мария с ящиком тяжелее.

Мария подняла голову.

— Я слышу.

— Это хорошо. Значит, не пустая.

Она вернулась к тетради.

Вера не ела. Я подал кружку.

— Тошнит?

— Нет.

— Тогда ешь.

— Север слушает вкус.

— Пусть завидует.

— Там люди не знают кашу.

— Двенадцать тысяч?

— Двести восемнадцать.

Число снова уменьшилось.

— Что они знают?

Вера взяла ложку. Поддержала, как предмет из чужой инструкции.
— Тепло. Свет. Голос. Белую комнату. Один рисует стену пальцем.
— Ты видишь?
— Иногда. Когда он касается металла.
— Спроси имя.
— У него нет слова.
— У Кочета тоже мало. Справляется.
— Я слышу, — сказал Кочет от рычагов.
Вера съела две ложки.
На третьей её рука остановилась.
— К-03 открыла медицинский сектор.
— Что делает?
— Проверяет тела.
— Как?
— Не знаю. Они кричат без голоса.
Лида села рядом.
— Опиши.
— Сердце быстро. Мышцы напряжены. Свет режет. В вену холодное.
— Седация?
— Потом ничего.
— Один умер?
— Нет. Стал тише.
Лида посмотрела на меня.
— Они в сознании.
— Или рефлексy.
— Человек, который различает свет и боится иглы, уже пациент. Остальное узнаем позже.
Она записала симптомы в медицинский журнал. Не «фоновые реакции». Свет, страх, боль. Названия не лечили, но меняли того, кто держит шприц.
К полудню мы дошли до моста через Чёрную Речку.
Моста не было.
Опоры стояли. Ферма лежала в воде ниже по течению, согнутая посередине. Рельсы обрывались над оврагом и продолжались на другом берегу через двадцать два метра.
Оля остановилась заранее.
Кочет посмотрел вниз.
— Перепрыгнем.
— Сначала ты, — сказала Лида.
— Я раненый.
— Уже вспомнил.
На карте Оли мост числился исправным. В журнале вагона три стояло прохождение шесть суток назад.
— Как локомотив прошёл? — спросила Тая.
Оля осмотрела рельсы у обрыва. Срезы старые, ржавые. Ферма лежала не первую зиму.
— Не здесь.
— Другой путь?
— На карте нет.
Вера сошла и пошла вдоль насыпи к лесу. Через пятьдесят шагов остановилась, ударила каблуком по земле. Под слоем хвои звякнул металл.
Мы расчистили.

В землю уходила узкая колея. Военный съезд, замаскированный дёрном и молодыми соснами. Стрелочный перевод находился под насыпью, целиком закрытый бетонной плитой.

На плите:

РЕЗЕРВНЫЙ ОБХОД. ОТКРЫВАТЬ ПО КОДУ МАРШРУТА.

— Вагон три получил код, — сказала Оля.

— У нас есть маршрут, — ответил я.

Серый ключ не подошёл. Чёрный дал отказ:

НЕДОСТАТОЧНО ПОЛНОМОЧИЙ.

Вера приложила ладонь.

Плита отозвалась гулом. Под землёй задвигались давно не смазанные тяги. Потом остановились.

ТРЕБУЕТСЯ К-03.

— Она открыла путь вагону, — сказала Мария.

— До восстановления, — возразила Тая.

— Её пластина была активна в мёртвом теле.

— Значит, путь считает подпись, а не жизнь.

Кочет сел возле механизма и снял крышку ручного привода.

— Хорошая новость: сломать можно.

— Плохая? — спросил Дима.

— Уже сломано.

Внутри редуктор заржавел. Главная шестерня — бронзовая, сто двадцать миллиметров, семнадцать зубьев. Три зуба срезаны.

Мотина шестерня имела семнадцать.

Я посмотрел на запасной ящик.

Кочет тоже.

— Не говори ему, — сказал он.

— Почему?

— Станет невыносимым.

Шестерня подходила по диаметру. Вал был тоньше на четыре миллиметра, посадка другая. Мотя знал. Поэтому сунул в ящик медные полоски для втулки и напильник.

На полоске процарапал:

Я ТОЛЬКО ПОСМОТРЕЛ.

Кочет выругался.

Не на Мотю. На устройство мира, в котором Мотя оказался прав.

Работа заняла четыре часа.

Оля снимала остаток старой шестерни, Кочет лежал рядом и подсказывал, пока Лида не велела ему молчать ради дыхания. Тая с Димой расчищали замаскированную колею. Мария искала схему в пустом путевом ящике. Лида помогала Оле удерживать тяжёлые детали. Я подгонял втулку.

Вера сидела на плите и держала связь с механизмом. Иногда говорила:

— Левее.

Или:

— Не сейчас.

Откуда знала, не объясняла.

К вечеру редуктор повернулся. Под насыпью грохнуло. Дёрн треснул длинной линией, часть основного пути опустилась, из леса вышли две ржавые стрелы. Резервная колея огибала овраг по северному склону.

На плите появился новый текст:

НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО.

Оля добавила в журнал:

САНКЦИЯ: ВОСЕМЬ ЖИВЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ И НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОЕХАТЬ.

— Машина не поймёт, — сказал Кочет.

— Ты тоже не понял.

— Но прочитал.

Мы двинулись по обходу в сумерках.

Уклон оказался крутым. Уголь уходил быстрее. На одном повороте колёса забуксовали по мокрой хвое. Пришлось всем, кроме Оли и Кочета, идти рядом и подсыпать песок. Вагон полз, пар оседал на ветках. Лес пах грибами, горячим железом и осенью.

После Цветения природа не стала злой.

Она вообще не заметила смену правительства.

На вершине подъёма мы остановились ночевать. До Крапивного оставалось двадцать километров. Можно было дойти к полуночи, но Кочет побледнел, котлу требовалась очистка, а людям — еда.

Тая выставила дежурства. Первое взяла сама. Второе — я с Верой. Третье Оля с Марией. Кочету выдали всю ночь на сон, что он воспринял как оскорбление. Лида добавила порошок в чай. Через пятнадцать минут оскорбление захрапело.

Дима сварил свёклу с крупой. Назвал борщом. Никто не спорил: человек с ножом имеет право на терминологию.

Мария ела возле пустого ящика.

— Она опять зовёт? — спросил я.

— Кто?

— Копия.

— Вера сказала один раз.

— Ты с тех пор пишешь на каждой странице своё имя.

Мария закрыла тетрадь.

— Когда память исчезает, остаётся не пустота. Остаются выводы без причин. Я знаю, что не люблю сладкое. Не помню, когда попробовала. Боюсь закрытых лифтов. Не помню почему. Знаю, что однажды предала людей ради запуска НЗ-1. Помню событие кусками. Копия могла быть сделана раньше.

— Тогда не знает о предательстве.

— Или позже. Тогда знает больше меня.

— Это не делает её тобой.

— Тебе легко говорить. Твой отец прислал инструкцию не верить ему.

— Очень отчески.

— Если моя копия скажет, что она настоящая, а я повреждённая, кто решит?

— Ты.

— Удобно.

— Нет. Остальные решения хуже.

Она посмотрела на Веру. Та сидела у края костра и грела единственную перчатку.

— А если копия лучше помнит людей, которых я обидела?

— Пусть отвечает за свою память. Ты — за поступки.

— Поступки тоже были её.

— До даты записи.

— А долги?

— Долги любят наследников.

— Затвор потребует?

— Рада потребует с обеих. Ей всё равно, кто оригинал.

Мария впервые за день улыбнулась.

— Это утешает.

Ночью температура опустилась ниже нуля. Иней лёг на борт. Я проснулся до своего дежурства от боли в правой руке.

Пальцы свело. Под ногтями проступили зелёные линии. Я разжал кулак другой рукой.

Лида спала в двух шагах. Можно было разбудить.

Я не стал.

Человек с четырнадцатью днями устойчивости имеет право на несколько минут частной неисправности. Иначе срок считается коллективным.

Вера открыла глаза.

— Болит?

— Нет.

— Врёшь.

— Тихо. Лида услышит.

— Она спит.

— Врачи не спят. Ждут, когда пациент признается.

Вера придвинулась. Взяла мою руку через свою перчатку.

Кольцо отца застряло на опухшем мизинце.

— Снять надо, — сказала она.

— Потом.

— Ткань растёт вокруг металла.

— Доедем до Крапивного.

— Ты говоришь как Кочет.

— Это уже симптом.

Она медленно стянула кольцо. Кожа под ним была красной. Зелёная линия остановилась у борозды, будто металл мешал.

— Золото не проводит команду? — спросила Вера.

— Проводит электричество.

— Не эту.

Она надела кольцо себе на большой палец. Ей подошло.

— Вернёшь.

— Если вспомню.

— Не смешно.

— Я не шутила.

Вера поднесла мою руку к огню. Линии побледнели.

— Север тянет тебя, — сказала она. — Не потому, что ты сын.

— К-17.

— Потому что ты совместим с одним из профилей Сергея.

— С каким?

— Оба считают, что с ними.

— Приятная семья.

— Один боится, что тебя загрузят. Второй хочет.

Я посмотрел на спящих.

— Ты можешь отличить их?

— Семьдесят четыре процента говорит медленно. У него нет части слов. Другой молчит командами.

— Какой прислал сообщение?

— Первый.

— Откуда знаешь?

— Он сомневается после каждой фразы.

— Похож на отца меньше.

— Может, сомнение было в утраченных двадцати шести процентах.

Дежурство Таи закончилось. Она подошла, увидела мою руку и кольцо у Веры.

— Лиду будить?

— Нет.

— Тогда утром скажешь сам.

— Это приказ?

— Условие, при котором я сейчас её не бужу.

— Вы все заразились Радой.

— Она не скрывает симптомы.

Тая легла возле вагона, винтовку положила под руку.

Мы с Верой заняли край насыпи.

Внизу чернела река. На другом берегу лежала ферма моста. Луна отражалась в её мокром металле. Довоенные инженеры строили на сто лет. Война, вода и люди сократили срок до сорока.

— Ты хочешь увидеть прежнюю себя? — спросил я.

— Нет.

— Быстро.

— Ты научил.

— Правда догонит.

— Уже.

Она сняла кольцо и положила мне в ладонь.

— Хочу спросить, что она помнит. Не видеть.

— Разница?

— Если увижу, начну сравнивать лицо.

— У неё другое тело.

— Тем хуже. Буду искать себя там, где меня никогда не было.

На севере мигнул белый огонь.

Не сигнал. Далеко, за лесом. Один раз, потом второй.

Вера выпрямилась.

— Что?

— Сообщение идёт.

Путевой аппарат в вагоне застучал. Оля проснулась сразу, Мария — через секунду. Кочет продолжал храпеть; порошок Лиды уважал только дозировку.

Лента выдала не текст.

Голос.

Старый динамик треснул. Мужчина сказал:

— Илья, остановись в Створе. Не открывай северный шлюз до проверки крови.

Пауза.

— И сними кольцо. Отёк пережмёт палец.

Связь оборвалась.

Я держал кольцо в левой ладони.

— Он видит? — спросила Оля.

— Нет камеры, — сказал я.

Вера смотрела на мою правую руку.

— Он чувствует через К-17.

Мария поднесла ленту к свету, будто голос мог оставить почерк.

— Это был Сергей?

— Первый, — сказала Вера.

— Тот, которому не верить?

— Он сам попросил.

— Удобно.

Я разбудил Лиду.

Она осмотрела руку, выслушала про линии и кольцо. Не ругалась. В медицинском смысле это хуже.

— Симбионт активируется по внешнему сигналу, — сказала она. — До Створа дойдём. Дальше без анализа не поедешь.

— А если анализа нет?

— Найдём.

— В посёлке путейцев?

— Тогда сделаем из того, что есть.

— Так лаборатории не работают.

— После НЗ-1 работают.

Она записала время приступа: 02:17.

Рядом — симптом, длительность, внешний сигнал.

— Остаток пересчитаешь? — спросил я.

— Нет.

— Почему?

— Потому что пока не знаю, что считать. Машина дала тебе четырнадцать дней устойчивости в изолированном контуре. Север уже изменил условие.

— Лучше или хуже?

— Если бы знала, не ехала бы проверять.

До утра никто больше не спал.

Кочет спал за всех.

Крапивно встретило нас закрытым семафором и запахом гнилой рыбы.

Автономную батарею нулевой партии после регенерации фильтра подключили к лечебнице. Она поддерживала центрифугу, холодильник с инсулином и насос для женщины с отёком лёгких. Местный генератор теперь тянул водоочистку и не справлялся ещё и с насосами садка, поэтому вода с рыбой перестала обновляться.

На платформе женщины чистили то, что ещё не пахло окончательно.

Рада по радио просила вернуть батарею сегодня. Крапивно ответило, что вернёт через четыре дня. Потом ещё через четыре. Теперь староста Фёдор встретил нас с актом временного пользования и двумя копчёными лещами.

— Это проценты, — сказал он.

— Батарея не наша, — ответил я.

— Затвора.

— Тем более не мне проценты.

— Тогда лещи обратно?

Дима забрал оба.

— Получатель установлен.

Фёдор расписался в путевом журнале за проход. Оля проверила северный блок. Крапивно держало стрелку вручную: после разделения ключи менялись каждый день, и автоматика перестала понимать, кто здесь главный. Люди решили не объяснять.

Лида отвела меня в лечебницу.

В бывшей конторе плотины стояли четыре койки и автономная батарея. Она питала центрифугу НЗ-1, холодильник с инсулином и насос для женщины с отёком лёгких. Заряд — шестьдесят один процент.

— Вернуть сегодня нельзя, — сказала Лида.

— Знаю.

— Ты не совет.

— Поэтому могу знать без решения.

Местный фельдшер Пётр взял у меня кровь последней запечатанной одноразовой иглой. Пустую упаковку положил в журнал расхода: новых осталось три.

Пробирку поставили в центрифугу.

Крышка не закрывалась.

— Мотя был? — спросил я.

— Почему сразу Мотя?

На защёлке стояла новая пружина из проволоки и процарапанная стрелка.

— Потому.

Пётр прижал крышку кирпичом. Центрифуга загудела. Кирпич дрожал, но держал. В довоенной лаборатории такое назвали бы нарушением техники безопасности. В Крапивно кирпич имел стаж и не получал жалоб.

Пока кровь разделялась, Лида осмотрела четырёх больных, оставила два пакета солевого раствора и забрала расписку.

Кровь разделилась на плазму и тёмный осадок. Пётр добавил реактив к трём каплям. Срок хранения закончился пять лет назад. Контрольная проба тоже отставала, поэтому численные секунды ничего не доказывали; тест годился лишь как предварительный признак и только рядом с прежним образцом, прогнанным в тех же условиях.

Первая капля позеленела раньше контрольной.

Вторая — ещё быстрее.

Третья осталась прозрачной.

— Что проверяем? — спросила Оля.

Она пришла с путевого поста. Лида ответила:

— Активность в плазме, клеточной фракции и вне стандартного маркера.

— По-русски?

— Симбионт выходит в кровь быстрее, но часть клеток перестала отвечать на старый тест.

— Это плохо?

— Это другое.

— Врачи любят ваш язык.

— Сроковщики тоже, — сказал я.

Лида поставила рядом сохранённый образец из НЗ-1 и прогнала его тем же просроченным реактивом. Оба старых маркера сработали позже нынешних, третий дал слабый цвет.

— Предварительно северный сигнал ускоряет одну линию и подавляет другую, — сказала она. — Тело не разрушается равномерно. Оно перестраивается. Но подтверждать придётся исправным анализатором.

— Под что?

— Под совместимость.

— С Сергеем?

— Возможно.

Пётр слушал, вытирая одну и ту же стеклянную палочку.

— Если доехать, там вылечат?

— Возможно, — повторила Лида.

— А если не доехать?

— Возможно, не придётся лечить.

— Это шутка?

— Нет.

Он перестал вытирать палочку.

Я спросил:

— Новый срок?

Лида посмотрела на часы.

— Если изменение продолжится с такой скоростью, тяжёлый переход через девять-одиннадцать дней.

— Было четырнадцать.

— Условия изменились.

— Запиши десять.

— Диапазон.

— В журнале диапазон используют как обещание верхней границы.

— Тогда запишу девять.

Она записала:

К-17. ПРОГНОЗ УСТОЙЧИВОСТИ ПРИ ТЕКУЩЕЙ ВНЕШНЕЙ СИНХРОНИЗАЦИИ: НЕ МЕНЕЕ 9 СУТОК. ВЕРХНЯЯ ГРАНИЦА НЕ УСТАНОВЛЕНА.

— Так честнее, — сказала она.

— Так страшнее.

— Иногда совпадает.

Кочет ждал у входа, сидя на ступеньке и придерживая карабин. Лида загнала его внутрь. Температура была тридцать семь и шесть. Шов покраснел. До Створа оставалось двести километров.

— Дальше не едешь, — сказала она.

— Мы договаривались до Створа.

— При снижении температуры. Сейчас у тебя нагноение после снятия дренажа.

Кочет сел на койку.

— На НЗ-3 мёртвые охранники ходят. Кто проверит оружие?

— Тая.

— Она проверит людей.

— Именно.

— А если нужно будет стрелять?

Тая стояла в коридоре.

— Тогда я выстрелю.

— А если два раза?

— Второй тоже.

— Жадная.

Лида разрежала шов по краю. Под кожей скопился гной. Небольшой карман, пока без глубокой инфекции. Очистила, промыла, оставила открытым.

Кочет молчал до конца. Потом снова потребовал взять его до Створа.

Он посмотрел на меня.

Я вспомнил, как сам недавно отказался остаться пациентом, и промолчал.

— Только лёжа до Створа, — решила Лида. — Не дежуришь, не таскаешь, к рычагам и оружию не садишься. Повязку проверяю на каждой остановке. Если температура дойдёт до тридцати восьми или ухудшится дыхание — возвращаем в Крапивно на первой попутной дрезине. Дальше Створа без повторного решения не едешь.

— Я свидетель, — сказал я. — Не врач.

Вышли из Крапивного после полудня.

Батарея осталась. В журнале Оля записала:

АВТОНОМНЫЙ ИСТОЧНИК НУЛЕВОЙ ПАРТИИ — ВРЕМЕННОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОДЛЕНО БЕЗ СОГЛАСИЯ ЗАТВОРА ПО МЕДИЦИНСКОЙ НЕОБ-

ХОДИМОСТИ. ОТВЕТСТВЕННЫЕ: ЛИДА СОМОВА, ИЛЬЯ ГОРИН, СОВЕТ КРАПИВНО.

Я расписался.

Кочет поставил рядом крестик.

— Ты не ответственный, — сказала Оля.

— Свидетель.

— Подпись не похожа.

— Рука болит.

— У тебя болит грудь.

— Всё связано.

За Крапивно путь вошёл в заболоченную низину. Рельсы лежали на каменной насыпи. Вода справа и слева, камыш выше человека, редкие берёзы с белыми мёртвыми верхушками. Цветение здесь проявилось не цветами. На воде плавала тонкая синяя плёнка. Если задеть шестом, собиралась в нити и тянулась за деревом.

Кочет предупреждал не касаться голой рукой. Однажды он касался. Теперь говорил как специалист.

На сорок восьмом километре увидели первый провод.

Он был натянут поперёк пути на уровне колёс. Тонкая стальная струна, привязанная к двум гранатам в камыше.

Оля заметила блеск и успела остановить. До провода осталось полметра.

Тая сняла растяжку. Гранаты довоенные, корпуса ржавые, запалы новые. На одной бумажная бирка:

ЗАЩИТА СЕВЕРНОГО МАРШРУТА. НЕ НАРУШАТЬ.

— От кого защита? — спросил Дима.

— От нас, — ответила Тая.

— Но маршрут сам нас пропустил.

— Значит, не все согласны с маршрутом.

В камыше нашлись следы троих. Сапоги разные. Один человек хромал. Ушли на восток утром.

— Местные? — спросила Оля.

— Или работники НЗ-З, — сказала Мария.

— Бирка напечатана недавно, — заметил я.

Бумага сухая, чернила не поплыли. Печать матричная, как на сообщении, но без красной полосы.

Вера не смотрела на следы. Повернулась к западу.

— Они рядом.

Тая подняла винтовку.

— Сколько?

— Трое. Один боится. Один сердится. Третий... пустой.

— Пустой как носитель?

— Нет. Я его не слышу.

Из камыша ударил выстрел.

Пуля попала в паровой колпак. Железо звякнуло. Пар пошёл белой струёй.

Оля упала за борт. Тая выстрелила из винтовки, выданной Затвором, не по человеку — в воду перед камышом. Синяя плёнка взлетела фонтаном. В экспедиционном боезапасе осталось сорок шесть винтовочных патронов; два её старых патрона лежали отдельно.

— Не стрелять! — крикнула она. — Назовитесь!

Ответили двумя выстрелами. Один ушёл выше, второй пробил мешок угля.

Кочет потянулся к карабину.

Лида прижала его к полу.

— Договор.

— В нас стреляют!

— Тая ещё жива.

— Это довод?

— Да.

Я перекрыл пар и сполз под платформу. Дыра в колпаке небольшая, но давление падало. Если котёл остановится в низине, нас можно расстреливать до ужина.

Тая сместилась к переднему борту.

— Последний раз! Кто вы?

Из камыша крикнули:

— Не идите в Створ!

— Почему?

— Там мёртвые говорят!

— Мы знаем.

Пауза.

— Тогда вы с ними!

— Они нас тоже не любят.

Тая положила винтовку на землю и подняла руки.

— Выхожу.

— Стой, — сказал я.

Она уже прыгнула с насыпи. Вода по колено. Синяя плёнка обвила сапоги.

— Оружие на земле, — крикнула Тая. — У нас врач. Раненый. И пар уходит.

— У нас тоже раненый!

— Тогда перестаньте делать новых.

Первым вышел мальчишка лет шестнадцати. Винтовка у плеча, палец на спуске. За ним женщина в камуфляжной накидке. Третий остался в камыше.

Женщина хромала. На бедре повязка из мешковины.

— Откуда? — спросила она.

— Затвор.

— Врёшь. Затвор далеко.

— Поэтому у нас вагон.

— Север его забрал.

— Пока нет.

Женщина увидела Веру.

— Глаза.

Мальчишка перевёл ствол.

Тая шагнула между ними.

— Опусти.

— Она из мёртвых.

— Я не умерла, — сказала Вера.

— Они тоже так говорят.

Третий человек вышел позже. Мужчина лет пятидесяти в железнодорожной куртке. Шёл ровно. Без оружия. Лицо спокойное, глаза смотрели не на нас, а на путевой аппарат.

Вера отступила.

— Его нет.

— Перед тобой стоит, — сказал я.

— В сети нет.

Мужчина приложил ладонь к груди.

— Путевой мастер Иосиф Бражников. Створ. Функциональный статус прекращён.

— Прекращён? — спросила Оля.

— Смерть подтверждена.

Мальчишка ткнул стволом ему в спину.

— Покажи.

Иосиф повернул голову.

За правым ухом проходил свежий шов. Кожа молодая, гладкая. Лицо было старше тела только выражением.

— Он пришёл вчера, — сказала женщина. — Сказал, что умер пять лет назад. Знал наши имена. Знал путь. Потом открыл северный сигнал, и радио заговорило голосами.

— Я не открывал передачу, — сказал Иосиф. — Только блок.

— Из-за тебя они зовут людей!

— Передача началась раньше моего прибытия.

— Откуда прибыл? — спросила Тая.

— НЗ-3.

— Пешком?

— Дрезина до закрытого километра. Дальше пешком.

— Зачем?

— Обеспечить маршрут состава с К-носителями.

Он посмотрел на нас.

— Состав прибыл.

— Откуда знаешь?

— Я должен был знать.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Женщина качнулась. Кровь пропитала повязку. Лида поднялась.

— Дайте осмотреть.

— Сначала скажите, кто вы.

— Врач.

— Живая?

— Пока вы спрашиваете, меньше.

Мальчишка опустил винтовку.

Лида подошла. Рана пулевая, навывлет, кость цела. Кровь шла из мышцы. Она заменила повязку, дала обезболивающее. Женщину звали Сима Власова. Мальчишка — Петька, её племянник.

Иосиф стоял отдельно.

— Тебя они взяли в плен? — спросил я.

— Я попросил сопровождение.

Сима засмеялась и поморщилась от боли.

— Он пришёл к нам без еды, в одной форме. Назвал пароль моего мужа. Муж умер прошлой зимой. Потом радио сказал голосом мужа: «Сима, открой северный путь». Я разбила аппарат. Этот даже не сопротивлялся.

— Пароль мог знать Иосиф?

— Они вместе работали.

— До его смерти?

— До обеих смертей.

Иосиф уточнил:

— Моя смерть была раньше.

— Спасибо, — сказала Сима. — Очень важно.

Тая подняла свою винтовку, разрядила и повесила за спину.

— Кто поставил растяжку?

— Мы.

— Зачем стрелять после остановки?

Петька покраснел.

— Думали, вы с НЗ-3.

— Мы туда едем.

— Тогда с ними.

— Ты идёшь к бане — не становишься водой.

— Чего?

— Неважно.

Дима осмотрел пробитый колпак.

— Залатать можно. Нужна медь.

Иосиф сказал:

— На восьмидесятом километре путевая будка. В шкафу ремонтные пластины.

— Откуда знаешь?

— Положил туда девять лет назад.

— Не украли?

— Не знаю.

Кочет посмотрел на меня.

— Проверим покойника?

— Сначала спросим кровь.

Лида взяла у Иосифа пробу.

Он позволил без вопроса. Игла вошла в молодую кожу. Кровь тёмная, нормальная. Пульс — пятьдесят восемь. Температура — тридцать шесть и два. На груди под курткой — бледный номер:

Н-04.

— Носитель, — сказала Мария.

— Да.

— Что было до загрузки?

Иосиф посмотрел на неё.

— До какого момента?

— До того, как ты стал Иосифом.

Он открыл рот.

Закрыл.

Левая рука поднялась к горлу.

— Белый свет, — сказал он. — Голос Анны. Холодная вода. Стена.

Вера шагнула ближе.

— Что на стене?

— Линия.

— Какая?

— Дверь.

— Кто нарисовал?

Иосиф долго молчал.

— Я.

Потом лицо изменилось. Не стало другим. Просто старая привычка легла поверх молодой мышцы.

— Нет, — сказал он. — Иосиф не рисовал.

Сима перестала сердиться на секунду.

— Кто тогда?
— Носитель.
— Это ты.
— Мне выдали имя Иосиф Бражников.
— А до имени?
— Фоновая активность не учитывается.
Он произнёс точно, как документ.
Лида убрала пробирку.
— Учитывается.
— В медицинском протоколе?
— Теперь да.
— У вас нет полномочий НЗ-3.
— У меня есть пациент передо мной.
Иосиф посмотрел на её сумку, руки, лицо.
— Вы Лидия Сомова.
Оля замерла у вагона.
— Откуда знаешь? — спросила Лида.
— Архивный профиль тридцать восемь процентов. Медицинская функция.
— Я не архив.
— Вижу.
— Что ещё видишь?
— Несовпадение возраста. Шрам отсутствует в профиле. Реакции после даты копирования неизвестны.
— Дата?
— Семнадцатое февраля две тысячи семьдесят седьмого.
Лида побледнела.
Оля спросила:
— Мой профиль там есть?
— Ольга Сомова. Двадцать два процента. Диспетчерская функция. Дата — третье ноября две тысячи семьдесят шестого.
— Я была там?
— Вы проходили синхронизацию НЗ-1.
— Мне было сколько?
— Пятнадцать.
Оля отвернулась.
Лида сделала шаг к ней, остановилась. Руки остались вдоль тела.
— Это не ты, — сказала она.
— Знаю.
— Не обязана смотреть.
— Знаю.
Оля говорила коротко, как человек, который держит стрелку под грузовым составом.
Тая спросила Иосифа:
— Почему НЗ-3 отправил тебя?
— Проверить маршрут и собрать персонал Створа.
— Живых?
— Подходящих.
— Для чего?
— Обслуживание первой очереди восстановления.
— Добровольно?

Он задумался.
— Требуется согласие местного ответственного.
— Людей?
— Ответственного.
— Это не одно.
— По протоколу достаточно.
Сима подняла винтовку с земли.
— Поэтому мы его связали.
— Вы не связали, — сказал Кочет.
На запястьях Иосифа не было верёвки.
— Снял по дороге, — ответила Сима. — Потом сам шёл.
— Мог уйти?
— Мог, — сказал Иосиф.
— Почему не ушёл?
Он посмотрел на свои руки.
— Я не знаю, куда возвращаться.
Северный сигнал позади нас вспыхнул белым.
Иосиф поднял голову.
В путевом аппарате щёлкнуло реле.
— К-03 вызывает, — сказал он.
— Откуда знаешь?
— Тело знает.
— А ты?
— Я боюсь.
Это были первые его слова, которых не могла выдать инструкция.
Тая спросила:
— Чего?
— Что отвечу.
Путевой аппарат повторил вызов.
Иосиф не двигался.
Третьего сигнала система ждать не стала. Динамик включился сам.
Женский голос был низким, спокойным. Не машинным. Машина не делает паузы там, где человек выбирает обращение.
— Путевой мастер Бражников. Доложите состояние маршрута.
Иосиф выпрямился.
— Обход Чёрной Речки открыт. Блок сорок восемь занят составом Затвора. Повреждён паровой колпак. На пути местная группа.
— К-носители подтверждены?
Он посмотрел на нас.
— К-17, К-49 и К-28.
— Передайте К-17.
Я не подошёл к аппарату.
— Слышу.
— Илья Сергеевич Горин?
— Иногда.
— Александра Веденева. К-03. Начальник Северного управления непрерывности.
— Вы умерли.
— Подтверждаю.
Она сказала это без вызова, стыда или гордости. Как номер кабинета.

- Тогда начальник умер вместе с вами.
 - Юридический статус восстановлен системой.
 - Система не присутствовала на похоронах.
 - Вы присутствовали на моих?
 - Нет.
 - Значит, у нас одинаковое количество личных доказательств.
- Голос мне не понравился.
- Не потому, что принадлежал покойнице. Потому что умел отвечать.
- Сергей Горин восстановлен? — спросил я.
 - Профиль семьдесят четыре процента получил носитель. Адаптация не завершена.
 - Он согласился?
 - Профиль не обладает правом согласия до биологического восстановления.
 - А носитель?

Пауза стала длиннее.

- Носитель подготовлен для загрузки.
- Я спросил не это.
- Вопрос использует категорию, которой нет в протоколе.
- Добавьте.
- После приёмки ваших ключей возможно изменение локальных правил.
- Очень щедро.
- Ваше состояние ухудшается. НЗ-3 располагает картой стабилизации К-17.

Лида посмотрела на аппарат.

- На каких данных?
- Представьтесь.
- Лида Сомова. Живая версия.
- Архив содержит ваш профиль.
- Я спрашивала про Илью.
- Два профиля Сергея Горина, матрица самого К-17 и рабочая карта К-49. Совместная синхронизация восстановит недостающие связи.

- Цена?
- Риск потери биографической целостности — двадцать шесть процентов.
- Чьей?
- Совокупной.
- Чьей конкретно?
- Распределение определяется совместимостью.

Лида выругалась один раз. Тихо и очень медицински.

Веденеева продолжила:

- До НЗ-3 сто девяносто четыре километра от Створа. Ваш ресурс достаточен при движении без задержек. Путь мастера освободить. Местной группе разоружиться. Северный маршрут не минировать.

Сима взяла микрофон.

- Это Александра Константиновна?
- Представьтесь.
- Сима Власова. Створ. Связистка.
- Ваша квалификация требуется НЗ-3. Прибудьте с составом.
- Мужа вы вернёте?
- Николай Власов. Профиль шестьдесят два процента. Очередь восстановления — сто восемьдесят семь.

Сима прижала микрофон к губам.

— По радио он сказал, что уже ждёт.
— Использовался архивный речевой модуль для персонального уведомления.
— То есть вы соврали его голосом.
— Передана достоверная информация о наличии профиля.
— Он сказал: «Я жду».
— Профиль ожидает восстановления.
Сима бросила микрофон. Он ударился о борт и повис на проводе.
— До встречи, — сказала Веденеева.
Связь отключилась.

Иосиф медленно сел на шпалу.
— Вы доложили, — сказала Тая. — Что изменилось?
— Приказ вернуться.
— Выполнишь?
— Не знаю.
— Хорошо.
— Что хорошего?
— У тебя появился ответ не из инструкции.

Сима потребовала оставить Иосифа ей. Иосиф попросил ехать с нами. Петька хотел застрелить аппарат. Дима хотел залатать колпак. Из четырёх задач только последняя имела медную пластину.

Мы добрались до путевой будки на остаточном давлении. Пластины лежали в шкафу за листом «САНИТАРНЫЙ ИНВЕНТАРЬ». Швабры оставались государственной собственностью.

Дима вырезал заплату. Я залудил края. Иосиф держал горелку; его руки работали быстрее молодого тела. Коснувшись горячей меди, он не отдернул пальцы.

Лида убрала его руку.
— Больно?
— Сигнал есть.
— Я спросила, больно ли.
— Иосиф терпел.
— А ты?

Он посмотрел на белый пузырь ожога.
— Мне больно.
— Тогда отдёргивай.
— Это снижает качество работы.
— Зато повышает срок руки.

Иосиф отступил от горелки.

Сима наблюдала из двери. Её рану Лида обработала, ходить разрешила только с палкой. Петька хотел вернуться в Створ через болото. Тая объяснила, что с простреленным угольным мешком мы всё равно идём туда, и предложила платформу.

— Я не поеду с мёртвым, — сказал он.
— Тогда иди рядом.

Он ехал на заднем борту, в двух метрах от Иосифа. Так страх считался пешим.
До Створа добирались сутки.

Северный маршрут больше не скрывал обходы. Белые огни загорались перед каждой стрелкой. Иосиф называл повороты до карты. Иногда ошибался: за девять лет вырубил лес, разобрали водонапорную башню, поставили кладбище на месте запасного тупика.

У кладбища он попросил остановить.
— Зачем?

— Моя могила.

Сима показала третий ряд.

Небольшой металлический знак:

ИОСИФ АНДРЕЕВИЧ БРАЖНИКОВ. 2031–2081. ПУТЬ ДЕРЖАЛ ДО КОНЦА.

Иосиф прочёл.

— Неверно.

— Что? — спросил Петька.

— Родился в тридцатом.

— На табличке тридцать первый.

— Мать прибавила год, чтобы позже призвали.

— Откуда знаешь?

— Помню.

Он стоял у собственной могилы в теле, родившемся после смерти. Земля под знаком просела. Из неё росла крапива.

— Там действительно ты? — спросил я.

— Тело.

— Проверял?

— Я хоронила, — сказала Сима. — Его нашли у водозабора после зимы. Лицо целое.

Иосиф коснулся своего лица.

— Это не моё.

— Уже твоё, — сказала Лида.

— По выдаче.

— По боли.

Он сорвал крапиву с таблички и обжёг пальцы второй руки.

На этот раз отдёргнул.

Створ начинался за кладбищем. Двадцать домов вдоль станции, мастерские, водокачка и высокая мачта связи. На мачте висели семь громкоговорителей. Они были направлены не на площадь — в разные стороны, к домам.

Из каждого говорил свой голос.

Женщина напоминала закрыть погреб. Ребёнок звал маму. Мужчина обещал Симе, что ждёт на севере.

Одни голоса повторялись. Другие отвечали.

Люди Створа закрыли ставни. На площади горел разбитый радиоприёмник. Возле него лежали ещё два, расколотые топором. Передачу это не остановило: мачта получала сигнал через рельсы.

Когда наш вагон вошёл на станцию, все семь голосов замолчали.

Потом сказали вместе:

— К-носители прибыли.

Кочет снял карабин с предохранителя.

— Ненавижу хор.

Иосиф подошёл к путевому шкафу.

— Не открывай, — сказала Сима.

— Состав должен пройти.

— Это наш путь.

— Был моим участком.

— Ты умер.

— Знаю.

— Тогда не командуй.

Его рука остановилась у замка.

— Хорошо.

Одно слово.

Сима не ожидала. Девять лет назад путевой мастер Бражников не спрашивал разрешения у связистки. Человек перед ней имел его привычки, возраст в голове и чужую руку.

— Пусть Оля откроет, — сказала Сима.

Оля приложила диспетчерский жетон. Шкаф запросил местного ответственного.

Сима подтвердила.

Стрелка осталась закрытой.

ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ИОСИФА БРАЖНИКОВА.

— Вот, — сказал Иосиф.

— Что «вот»?

— Система считает участок моим.

— А ты?

Он посмотрел на Симу.

— Нет.

— Тогда подтверди как мастер, что передаёшь.

— Протокол не предусматривает.

— Слова предусматривают.

Иосиф приложил ладонь.

— Подтверждаю проход состава и передаю локальное управление Симе Власовой.

Шкаф ответил:

ПЕРЕДАЧА ПОЛНОМОЧИЙ НЕДОПУСТИМА. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ ВОССТАНОВЛЕН.

Сима засмеялась без радости.

— Даже после смерти от тебя должность не ушла.

Иосиф взял путевой молоток и разбил считыватель.

Оля открыла шкаф отвёрткой. Перевела тягу вручную.

— Теперь ушла, — сказал он.

Створцы вышли из домов только после этого.

Их было шестьдесят три. Восемнадцать согласились ехать на НЗ-3 после первых сообщений: обещали тепло, пищу и встречу с умершими. Потом Сима поймала в эфире повтор одного и того же ответа на разные вопросы. Люди испугались, закрыли путь и поставили растяжки.

— Какие голоса отвечают? — спросила Мария.

Старик привёл нас в связную комнату. Там стоял довоенный пульт и новый блок из вагона три — маленькая чёрная коробка без маркировки. Её нашли на рельсах позавчера. После подключения начались сообщения.

— Не мы подключали, — сказал старик. — Сама загорелась.

— Коробки редко сами находят розетку, — сказала Тая.

Петька опустил глаза.

— Хотел услышать мать.

— Услышал?

— Она сказала, где спрятала зимние сапоги.

— Нашёл?

— Да.

— Значит, архив настоящий.

— Потом спросил, сколько мне лет. Она ответила двенадцать. Мне шестнадцать.

Запись сделали четыре года назад.

Мария осмотрела блок. Это был речевой шлюз: архивный профиль получал вопрос, выбирал ответ из сохранённой памяти и синтезировал голос. Если данных не хватало, подставлял наиболее вероятную фразу.

— Не человек, — сказал Петька.

— Часть, — ответила Мария.

— Она знала сапоги.

— Потому что знала твоя мать на дату записи.

— А сейчас?

— Сейчас записи нет.

Сима стояла у пульта.

Голос Николая снова сказал:

— Сима, открой северный путь. Я жду.

Она включила микрофон.

— Коля, вчера я прострелила ногу. Какую?

Пауза.

— Левую, — ответил голос.

Ранена была правая.

Сима выключила.

— Вот.

— Он не может знать вчера, — сказал Иосиф.

— Ты тоже не мог знать свою могилу.

— Поэтому спросил.

— А этот не спрашивает. Угадывает.

Я посмотрел на чёрный блок.

— Можно отправить новый факт в профиль?

Мария нашла сервисный разъём.

— Можно. Но тогда он ответит завтра правильно.

— И станет живее?

— Станет информированнее.

— Разница важная.

Мы отключили шлюз.

Громкоговорители замолчали не сразу. Последние фразы дошли по очереди. Мать Петьки попросила надеть сапоги. Ребёнок позвал маму. Николай сказал Симе:

— Я жду.

Потом тишина.

Люди не поблагодарили.

Несколько плакали. Один мужчина ударил Марию. Тая успела перехватить второй удар, первый пришёлся в щёку.

— Верни голос, — сказал он.

— Это запись.

— Мне всё равно.

— Ей нет.

— Откуда знаешь?

Мария вытерла кровь губой.

— Потому что моя запись тоже там.

Мужчина опустил руку.

Отключение не решило вопрос. После двух часов спора решили хранить шлюз отключённым, но не уничтожать. Доступ — по двум живым подписям. Новые факты в профили не передавать, пока не ясно, кто отвечает.

Первое правило Створа для мёртвых заняло четыре строки.

Живым потребовалось девять лет, чтобы договориться о колодце.

Мы пополнили воду. Угля в Створе не было: последнюю кучу забрал вагон три по военному приоритету. Наш пробитый мешок потерял почти треть. До НЗ-3 при прежнем расходе не хватало пятисот килограммов.

— Можно жечь шпалы, — сказал Кочет.

— На чём возвращаться? — спросила Оля.

— Возврат не предусмотрен.

— Ещё раз скажешь — высажу.

Створцы предложили торф. Сырой, с землёй. В котле горел плохо и забивал топку. Дима с Петькой сушили брикеты на платформе. За шесть часов собрали запас на сто километров. Дальше стоял старый комбинат.

Сима решила ехать.

— Зачем? — спросила Тая.

— НЗ-3 использует наши голоса без разрешения. Хочу сказать лично.

— Нога.

— Лида перевязала.

— Муж.

Сима посмотрела на молчащий громкоговоритель.

— Если там профиль, спрошу, хочет ли он тело. Не Веденееву.

— А если хочет?

— Тогда спрошу, чьё.

Петька остался в Створе как второй связист. Они спорили до отъезда. Потом Сима отдала ему винтовку.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы не решил, будто я вернусь по приказу.

— А если не вернёшься?

— Будешь отвечать на новые вопросы сам.

Экипаж вырос. Пайков — нет.

Мы отправились на рассвете.

Иосиф стоял у путевого шкафа. Сима подтвердила проход. Оля перевела стрелку. На этот раз система молчала: считыватель лежал разбитый в траве.

За северным выходом путь раздваивался. Левая ветка шла к торфяному комбинату. Правая — прямо к НЗ-3, но была закрыта красным диском.

Иосиф снял диск.

За ним стояла дрезина.

На сиденье — человек в новой серой форме.

Палка выпала у неё из руки.

— Коля.

Человек поднялся.

Тело молодое, лет двадцати пяти. На груди номер Н-09. Лицо не совсем то, что на фотографии у Симы: нос прямее, подбородок уже. Но выражение принадлежало человеку, которого она хоронила прошлой зимой.

— Серафима, — сказал он.

Не «Сима».

Так Николай называл её, когда сердился.

Она сделала шаг.

Потом остановилась.

— Какую ногу я прострелила вчера?

Николай посмотрел на повязку.

— Правую.

— Голос сказал левую.

— Я не голос.

— Кто ты?

Он ответил не сразу.

— Машинист Николай Власов. Восстановлен для доставки К-носителей.

— Ты был сто восемьдесят седьмым.

— Очередь изменена по приказу К-03.

— Почему?

Николай посмотрел на меня.

— Чтобы состав не задерживался.

Сима подняла палку и опёрлась.

— Ты согласился?

— С чем?

— Вернуться.

— Я не помню смерти.

— А до тебя в теле кто был?

Николай закрыл глаза.

— Белый свет. Холодная вода. Стена.

Иосиф шепнул:

— Та же комната.

— Кто нарисовал дверь? — спросила Вера.

Николай открыл глаза.

— Не знаю.

Из-под рукава его серой формы выглядывала белая пыль.

Мел.

Он подал Оле новый путевой лист.

В графе «маршрут» стояло НЗ-3.

В графе «экипаж» — двенадцать человек.

Нас было девять.

Иосиф — десятый. Николай — одиннадцатый.

— Кто двенадцатый? — спросила Тая.

Николай посмотрел на пустое место рядом с собой.

— Сергей Горин.

Но под молодой обивкой бился второй пульс.

Глава 3. Живой груз

Второй пульс бился под сиденьем дрезины.

Первый принадлежал Николаю Власову. Молодое сердце работало ровно: шестьдесят два удара в минуту. Второй шёл медленнее, сорок один, с паузой после каждого седьмого сокращения.

Так сердце обычно просит врача, покоя или новое сердце.

Мы предложили ему Лиду.

Она сняла обивку. Под ней оказался не человек целиком — транспортная капсула длиной от колен до затылка, встроенная в раму дрезины. Прозрачная крышка запотела. Внутри лежал мужчина.

Лицо я узнал раньше, чем увидел глаза.

Отец всегда говорил, что узнавание — плохой метод контроля. Этикетку можно наклеить на чужую банку. Привычную крышку — переставить. Хороший сроковщик проверяет содержимое.

Я проверил.

Седой волос у левого виска. Шрам над бровью после падения на складе. Нос, сломанный ещё до моего рождения. Обручального кольца нет.

Тело выглядело на пятьдесят восемь.

Отец умер в пятьдесят шесть.

Содержимое не совпадало с описью на два года.

На груди капсулы светилось:

СЕРГЕЙ ГОРИН. ПРОФИЛЬ 74%.

АДАПТАЦИЯ В ПУТИ. НЕ ВСКРЫВАТЬ ДО НЗ-3.

Лида приложила стетоскоп к предусмотренному мембранному окну, сверила запотевшую крышку с датчиками капсулы.

— В дыхательных путях жидкость, сатурация падает, ритм нестабильный. Его нельзя везти так двести километров.

Николай ответил:

— Капсула поддерживает жизненные параметры.

— Она их еле поддерживает.

— Норма адаптационных потерь — двадцать шесть процентов.

— Удобное число.

— Оно установлено испытаниями.

— На ком?

Николай посмотрел на собственные ладони.

— На нас.

Сима стояла напротив Николая. Её муж вернулся в молодом теле и говорил о себе во множественном числе с другими покойниками.

Лида нашла аварийную защёлку. Николай накрыл её руку.

— Вскрытие вне медицинского шлюза снижает вероятность успешной адаптации до сорока процентов.

— Если не вскрыть, он задохнётся раньше.

— Показатели допустимы.

— Для кого?

— Для профиля.

— Я лечу тело.

— Профиль важнее носителя.

Лида посмотрела на его пальцы поверх своих.

— Убери руку.

Николай убрал.

Не потому, что согласился. Потому что она попросила напрямую, а в его инструкции не было запрета слушать врача.

— Если откроем, — сказал я, — Сергей очнётся?

— Возможно.

— Он сможет решить сам?

— В период адаптации решения считаются симптомом дезориентации.

— Хорошо устроились.

Я приложил серый ключ к капсуле. Замок показал две команды: продолжить доставку или вернуть груз в хранение. Медицинского вскрытия не было.

Тая достала чёрный ключ.

Третья строка появилась:

АВАРИЙНОЕ ПРЕРЫВАНИЕ ПЕРЕНОСА. РИСК УТРАТЫ ПРОФИЛЯ: 31%.

— Тридцать один, — сказала Лида. — Не сорок.

— Разные модели, — ответил Николай.

— Тогда одна из них врёт.

— Обе приблизительно.

— Это тоже называется враньём, только научным.

Вера подошла к крышке.

Отец внутри открыл глаза.

Он не увидел нас. Зрачки двигались под прозрачным пластиком, ловили свет. Рот произнёс слово без звука.

Я прочёл по губам.

«Илья».

Рука сама легла на аварийную строку.

Тая удержала запястье.

— Это твоё решение или его команда?

— Моё.

— Подтверди второй раз.

Я посмотрел на лицо в капсуле.

Он знал кольцо. Банку. Моё имя. Мог знать, что говорить глазами.

— Вскрываем, — сказал я.

— Подтверждаешь риск утраты тридцати одного процента профиля?

— Подтверждаю риск смерти тела без помощи.

Лида кивнула.

Тая приложила чёрный ключ. Я — серый. Вера положила ладонь между ними.

Капсула не спросила третью подпись.

Она узнала зелёный ключ.

Замки вышли из пазов.

Крышка поднялась на ладонь и остановилась. Из капсулы ударил холодный воздух с запахом пластика, крови и сладкой питательной среды. Так пахнут вещи, которые слишком долго пытались сохранить отдельно от мира.

Лида просунула руку в щель, нашла внутренний фиксатор. Николай подал инструмент раньше, чем попросили.

— Защёлка слева, — сказал он.

— Вижу.

— Под углом тридцать градусов.

— Молчи.

— Это повышает риск повреждения.

— Ты повышаешь.

Крышка открылась полностью.

Отец вдохнул.

Вместо воздуха изо рта вышла розовая пена.

Лида повернула голову набок, быстро очистила рот отсосом из набора капсулы и ввела дыхательную трубку. Я держал плечи. Кожа была холодной и слишком гладкой там, где у настоящего Сергея оставались ожоги. Тело сделали похожим после выращивания: нанесли шрамы, состарили лицо, пересадили седые волосы. Не восстановили человека. Оформили товар под опись.

— Мешок, — сказала Лида.

Дима подал дыхательный мешок. Лида сжимала. Грудь поднималась тяжело. Из капсулы Николай вынул две ампулы и протянул.

— Адаптационный набор.

— Что внутри?

— Стабилизатор мембран, противоотёчное, нейронный субстрат.

— Состав.

— Мне не загружен.

— Тогда не вводим.

— Без субстрата профиль может распасться.

— Снова: я лечу тело.

Отец дёрнулся. Правая рука схватила меня за рукав.

Сила была слабой. Хватка — его. Большой палец не поверх ткани, а под краем манжеты, чтобы человек не вывернулся. Так он удерживал меня в двенадцать лет, когда я полез к вскрытой бочке с кислотой.

Я наклонился.

Глаза сфокусировались.

Он выдернул трубку.

Лида выругалась и попыталась вставить обратно. Отец отвернулся, закашлялся, выплюнул жидкость.

— Не... субстрат, — сказал он.

Голос хрипел. Не тот, что в телеграмме. Живой звук проходил через молодые связки, и в нём не хватало привычной сухости.

— Почему? — спросила Лида.

— Закрепит... приоритет.

— Чей?

Он посмотрел на свои руки.

— Мой.

Слово ему не понравилось.

После кашля Лида не стала силой возвращать трубку: Сергей сохранял самостоятельное дыхание и защищал дыхательные пути. Она дала кислород через плотно прижатую маску, подключила монитор и продолжила отсасывать пену. Маленького баллона хватало примерно на сорок минут при нынешней подаче. Давление оставалось низким; после поддерживающей помощи пены стало меньше, но сердце по-прежнему пропускало каждый седьмой удар.

— Имя? — спросила она.

— Сергей... Михайлович Горин.

— Дата рождения?

Он назвал.

— Последнее воспоминание?
— Какое считать последним?
— По времени.
— Северный архив. Запись. Двадцать девятое мая семьдесят восьмого.
За тринадцать дней до его смерти.
— Что было потом?
— Служебные данные до одиннадцатого июня. Не мои воспоминания.
— Как умерли?
— Аварийное разделение НЗ-12. Электрическая дуга. Ожог. Остановка сердца.
Он перечислил по акту.
— Помните боль?
— Нет.
— Похороны?
— Нет.
— Значит, вы не умерли в своей памяти.
— Но знаю, что умер.

Лида посветила в зрачки.

— Это не одно.
— Уже понял.
Он повернул голову ко мне.
Взгляд задержался на кольце в моей руке.

— Ты нашёл.
— Да.
— Где?
— Под полом дома.
— Я спрашиваю, где оно было на мне.
— На правой руке.
— После дуги правая обгорела?
— Левая.

Он закрыл глаза.
— Значит, не всё перепутали.
— Кто?
— Я. Или архив.

Слова выходили коротко из-за дыхания. Каждое требовало воздуха и выбора.

— В сообщении ты просил не верить человеку с твоим лицом.
— Правильно.
— У тебя оно.
— Поэтому начни с меня.
— Очень удобно: сказать правду и сделать её подозрительной.
— Я тебя учил.
— Меня учил человек, который умер.

Отец открыл глаза.
— Да.

Не спорил.

Я ждал объяснения, права, родства. Он дал факт. Это было на него похоже и ничего не доказывало.

Лида положила ладонь ему на грудь.

— Не разговаривать десять минут.
— У нас двести километров, — сказал Кочет. — Успеют.

— Ты тоже молчишь.

— Я не пациент.

— Температура тридцать семь и шесть.

— Это личное.

Сергей повернул голову на голос.

— Кочет?

Кочет перестал улыбаться.

— Откуда?

— Региональный отчёт НЗ-1. Сопровождение К-17. Тяжёлое ранение. Низкая дисциплина.

— Последнее в каком анализе?

— Во всех.

— Похож, — сказал Кочет мне.

— На отчёт.

— Всё равно.

Мы перенесли Сергея на платформу. Капсулу оставили открытой и разобрали систему подачи. В резервуаре было шесть литров бесцветного субстрата. На этикетке — белок, электролиты, наноконкомплекс закрепления, партия без даты.

— Без даты не бывает, — сказал я.

Сергей услышал.

— Военный резерв датировался событием.

— Каким?

— Активацией.

— Это срок после вскрытия. Когда изготовили?

— Не раскрывалось операторам.

— Ты разрабатывал контроль матриц и согласился?

— Нет.

— Что сделал?

— Встроил метки деградации.

— Поэтому семьдесят четыре процента?

— Поэтому система признаёт, что семьдесят четыре.

Лида запретила ему отвечать. Он послушался на восемь минут.

Николай помог Оле сцепить дрезину с «Клопом». Северный путь требовал сертифицированного машиниста; без его пластины белый сигнал не открывался. Оля могла разбить ещё один считыватель, но впереди их было сорок два. Разрушать систему вручную удобно, пока система небольшая.

Сима не отходила от Николая.

Не касалась.

Смотрела, как он проверяет сцепку, смазывает подшипник, трижды дёргает тормозной рычаг. Её муж делал так же. Она знала последовательность. Николай не знал, что она знает.

— Ты всегда три раза? — спросила Сима.

— Первый проверяет свободный ход. Второй — зацепление. Третий — привычка.

— Я говорила, что привычка лишняя.

— Ты говорила, что однажды рычаг останется у меня в руках.

— Остался?

— В семьдесят девятом.

Она отвернулась.

Это было их воспоминание. Общее до даты записи. Достаточное, чтобы ранить. Недостаточное, чтобы продолжить брак.

Иосиф занял место рядом с Олей. Николай — на дрезине впереди. Сима села на мешок лицом назад.

Состав двинулся.

Белый сигнал открылся без запроса. НЗ-3 получило своего машиниста, путевого мастера и три К-ключа. В военной описи мы уже считались прибывшими. Оставалось только преодолеть расстояние, которое бумага считала мелкой технической задержкой.

Через двадцать километров закончился торф.

Брикеты давали мало жара. Дрезина могла уйти на аккумуляторе за помощью. Николай отказался.

— Приказ — сопровождать К-носителей.

— Приказ можно нарушить, — сказала Сима.

— Зачем?

— Чтобы узнать, можешь ли.

Николай посмотрел на индикатор батареи.

— Если уйду, ваш состав остановится. Если останусь, остановятся оба. Нарушение приказа ухудшает задачу.

— Тогда не считается.

— Что считается?

— Сделать невыгодное, потому что решил.

— Зачем делать невыгодное?

— Вот поэтому я и не знаю, ты это или он.

Николай не ответил.

Торфяной комбинат стоял в шести километрах на боковой ветке. По карте — склады топлива. По факту — трубы, бетонные ямы и горы мокрой чёрной земли. После Цветения местные добывали торф ещё три года, потом насосы остановились. В котлован пришла вода. Люди ушли.

У склада сохранились четыре навеса. Под первым пусто. Под вторым — старые брикеты, превратившиеся в мох. Под третьим лежала сухая куча размером с дом.

Между нами и кучей проходил канал шириной пять метров.

Мост разобран.

— Север любит воду, — сказал Дима.

— Вода любит низкие места, — ответила Оля.

— А мы?

— Мы любим строить путь там, где дешевле, а потом удивляться.

Нашли две стальные балки и листы транспортёра. Тая распределила работу. Кочета посадили считать крепёж. Он считал вслух и каждый раз пытался встать на числе двадцать семь. Лида возвращала.

Сергей лежал под навесом. Дышал без кислорода, но губы оставались синими. Я принёс воду.

Он понюхал.

— Кипятили?

— Дима.

— Это не ответ.

— Дважды. Один раз случайно с торфом.

Он выпил.

— Сколько мне?

— По телу?

— Да.

— Лет пятьдесят восемь на вид. Николай сказал, носители выращены молодыми.

— Морфологическая коррекция. Ткани состарили под профиль, чтобы снизить отторжение образа тела.

— Тебе добавили два года.

— Дата матрицы — за две недели до смерти. При расчёте использовали ожидаемый возраст запуска.

— Запуск планировали через два года?

— Резерв должен был обновляться ежегодно. Не обновился.

— Почему?

— Я закрыл северный канал.

Я поставил кружку.

— Ты?

— До аварии на НЗ-12. Узнал, что Веденеева сохраняет не только должностные профили. Детские, семейные, контрольные. Всё, что проходило К-синхронизацию.

— Моя детская запись.

— Да.

— Что на ней?

— Тебе двенадцать лет. Базовая карта до имплантации К-17.

— Зачем?

— Чтобы отделять изменения симбионта от личности.

— А потом?

— Проект решил, что карта годится для восстановления совместимого оператора.

— Запасной сын.

— Не сын. Носитель моего ключа.

— Ты сказал Вере другое.

— Я ничего не говорил Вере.

— Второй профиль сказал.

Сергей перестал пить.

— Он активен?

— Вера слышит два.

— Процент?

— Не знает. Глубже, закрыт.

— Последняя матрица.

— Твоя?

— Возможно.

— Ты знаешь или нет?

— Моя память заканчивается двадцать девятого мая. После неё мог записаться ещё раз.

Служебный журнал показывает визит на НЗ-3 пятого июня.

— За шесть дней до смерти.

— Да.

— Зачем приезжал?

— Нет личной памяти.

— Удобно.

— Для тебя — нет.

Он сказал это без защиты.

Я хотел спросить, почему скрывал К-17. Почему посадил симбионт в сына. Почему оставил инструкции в банке и умер возле разделителя. Вопросы копились восемь лет. Передо мной лежали семьдесят четыре процента ответчика, и я не знал, какая часть виновата.

— Ты мой отец? — спросил я.

Сергей посмотрел на меня внимательно. Не искал правильное слово. Проверял содержимое.

— Нет.

Ответ пришёл без паузы.

Правда догнала позже.

— Тогда зачем «твой отец» в подписи?

— Чтобы ты приехал.

— Соврал.

— Использовал отношение, которое помню.

— Ты помнишь, как был им.

— Да.

— Помнишь меня.

— До двенадцати подробно. После — фрагменты служебной синхронизации. Ты пришёл в лабораторию. Получил К-17. Сломал анализатор и обвинил влажность.

— Влажность была выше нормы.

— Анализатор стоял в сухом шкафу.

— Значит, помнишь.

— Память не создаёт непрерывность тела.

— А что создаёт?

— Не знаю.

— Тогда быстро сказал «нет».

— Потому что Сергей, который был твоим отцом, не знал о своей смерти. Я знаю. Между нами есть событие, которое он не пережил, а я не могу забыть.

Я взял кружку.

— Хорошо.

— Нет.

— Это слово тоже быстрое.

— У меня мало воздуха.

Я ушёл к мосту.

Тая посмотрела один раз и не спросила. Дала мне кувалду. Полезнее утешения и тяжелее.

Мы уложили балки. Листы транспортёра прогибались, поэтому сверху настелили доски от пустого склада. Дрезина прошла первой. Потом «Клоп» без людей. Мы толкали сзади, страховали тросами. Посередине одна доска треснула. Правое колесо ушло вниз на три сантиметра.

Кочет вскочил.

Лида не успела остановить. Он схватил трос, потянул вместе с Таей. Открытая после очистки рана снова закровила; повязка быстро промокла.

Вагон вышел на ту сторону.

Кочет сел прямо в торф.

— Не говори, — сказал Лиде.

— Я зашью рот первым.

— Тогда не поем.

— Экономия пайка.

Она обработала рану. Глубокого разрыва не было, только край кожи. Температура тридцать семь и девять.

— До НЗ-3 лежишь, — сказала она.

— На чём?

— На отце Ильи места хватит.

Сергей услышал с платформы.

— Я не отец.

Кочет посмотрел на меня.

— Уже поругались?

— Ему профиль не позволяет.

— Значит, похож.

Загрузили семьсот килограммов торфа. Хватало до НЗ-3, но не обратно.

На выходе с комбината белый сигнал сменился красным.

Николай приложил пластину.

ПРИЁМКА ЖИВОГО ГРУЗА НАРУШЕНА.

ПРОФИЛЬ СЕРГЕЯ ГОРИНА ВСКРЫТ ВНЕ УЗЛА.

ДОСТАВКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ В КАРАНТИННОМ РЕЖИМЕ.

На дрезине выдвинулась красная лампа. Начала мигать.

— Теперь все увидят, что мы испорченные, — сказал Дима.

— До этого не замечали, — ответил Кочет.

Красный сигнал открыл путь. Карантин предупреждал получателя, но не останавливал опасный груз.

После комбината начался север.

Не географический. Настоящий.

Лес стал ниже, ветер — прямее. Болота замёрзли по краям, хотя до зимы оставался месяц. На рельсах лежал тонкий лёд. Дрезина Николая шла первой и счищала его колёсами. За ней оставались две блестящие линии, будто путь прорезали только для нас.

На каждом блоке громкоговоритель сообщал:

КАРАНТИННЫЙ СОСТАВ. НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ.

Приближаться было некому.

Прошли две пустые станции. На второй человеческие кости лежали под расписанием поездов до города, которого больше не было.

Сергей сидел, прислонившись к борту. Лида разрешила по пять минут каждый час. Он использовал семь, потом послушно ложился. Восстановленное сердце работало хуже умершего оригинала, зато кожа заживляла проколы быстрее обычной.

— Возрастные ткани, — объяснил он. — Внешняя морфология не меняет ресурс стволовых клеток.

— Значит, внутри тебе двадцать? — спросил Дима.

— Биологически около двадцати трёх.

— А снаружи пятьдесят восемь.

— Да.

— Зачем?

— Иначе мозг отвергает отражение.

Кочет потрогал свою щетину.

— Можно было мне сделать лицо моложе?

— Можно.

— И где вы были?

— Мёртв.

— Вечно у специалистов отговорки.

Сима не разговаривала с Николаем после Створа. Когда ветер усилился, молча положила ему на плечи одеяло. Он заметил новый разрыв на её пальто. Она ответила, что разрыв появился, пока его хоронили.

Иосиф знал старые схемы, Оля — нынешний путь. На девяносто втором километре его карта повела в затопленный тупик. Оля остановила состав за метр до провала и дала ему новый журнал.

— Записывай, что изменилось. Путь больше объекта.

Иосиф записал крупным незнакомым ему почерком.

Обход занял три часа и сорок килограммов угля. Мы сняли две секции рельса с тупика, уложили временный съезд по мерзлой земле. «Клоп» прошёл. За ним рельсы просели. Назад требовалось строить заново.

В путевом журнале появилась ещё одна строка, доказывающая свободу возврата при наличии десяти человек, инструментов и половины дня.

На следующей стоянке Вера исчезла.

Не далеко. Мы нашли её в водопропускной трубе под насыпью. Она сидела в темноте, прижав ладони к стенкам. Вода текла по сапогам.

— Что делаешь? — спросила Тая.

— Здесь тише.

— От чего?

— НЗ-3 зовёт ключи. К-03 открывает профили по одному. Они просыпаются без тела и спрашивают дату. Потом понимают.

— Что?

— Что умерли.

Я присел возле входа.

— Ты их слышишь всех?

— Нет. Только тех, кто касается К-линии. Шесть мёртвых носителей, Мария, Сергей.

Ещё кто-то.

— Второй отец?

— Он не отец.

Сергей стоял наверху, держась за откос.

— Правильно, — сказал он.

Вера подняла голову.

— Ты слабее.

— Знаю.

— Второй давит на тебя.

— Знаю.

— Он хочет тело К-17.

Сергей посмотрел на меня.

— Поэтому я ехал навстречу.

— Чтобы предупредить?

— Чтобы первым занять доступ.

— Это другое.

— Оба.

Он не прятал неприятное, если его уже нашли. Отец делал так же: добровольная честность начиналась после вскрытия партии.

Тая протянула Вере руку.

— Выходи.

— Если выйду, услышу.

— Тогда услышишь рядом с нами.

— Это не помогает.

— Мне помогает видеть тебя.

Вера взяла руку.

Когда вышла на свет, кольца в глазах были почти белыми. Пластина на шее пульсировала.

Лида приложила прибор.

К-49. БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: 24,7%.

СЕТЕВАЯ НАГРУЗКА: 63%.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: ЛОКАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ.

— Где? — спросил я.

Сергей ответил:

— В старой капсуле.

— Нет, — сказала Вера.

Лида убрала прибор.

— Тогда без металла и линии.

Вокруг были вагон, рельсы, дрезина и болото.

Дима нашёл две деревянные двери на пустом посту. Положили поперёк платформы поверх мешков. Вера легла на них. Тая села рядом и рассказывала, что видит вокруг.

— Слева сосна с раздвоенной вершиной. Справа вода. Кочет ворует сухарь.

— Не ворую, — сказал Кочет. — Получаю вне расписания.

— Дима точит нож. Оля ругает Иосифа за карту. Мария пишет своё имя.

— Не пишу, — сказала Мария.

— Сейчас нет. До этого.

Тая продолжала перечислять настоящее, пока глаза Веры не потемнели до зелёного. Сеть могла дать тысячи голосов. У нас была одна сосна и Кочет с сухарём.

Пока помогало.

За сутки до НЗ-3 пришёл холодный фронт.

Снег шёл горизонтально. Видимость упала до десяти метров. Николай включил прожектор дрезины, но белый свет отражался от хлопьев и ослеплял. Оля вела по контактам, Иосиф считал стыки. Скорость — шесть километров в час.

Торф намокал под брезентом. Давление снижалось. Мы жгли доски с дверей, потом одну дверь Веры. Она пересела на вторую.

— Локальная изоляция сокращается, — сказала Тая.

— Как всё полезное.

В двадцать три часа путь поднялся на каменную дамбу. Справа по звуку была вода. Слева — тоже. Ветер толкал вагон. На середине дамбы дрезина остановилась.

Николай поднял белый фонарь.

Впереди лежало дерево. Толстая сосна, корни вывернуты. Обойти нельзя. Резать мокрым ручным инструментом — три часа. Топлива на холостую работу — два.

— Сбросить в воду, — сказал Кочет.

— Чем?

— Вагоном.

— Повредим сцепку.

— Уже повреждена.

Оля осмотрела дерево. Ствол лежал под углом. Если толкнуть дрезиной, мог скатиться вправо. Если зацепится ветками — потянет дрезину за собой.

Николай предложил отцепить дрезину и ударить на аккумуляторе.

— Ты внутри? — спросила Сима.

— Нужен оператор.

— Поставь рычаг и спрыгни.

— Автоматика остановит без веса на сиденье.

— Положим мешок.

— Датчик сердечного ритма.

— Очень заботливая машина.

— Она не даст уничтожить имущество без ответственного.

Сима посмотрела на него.

— Ты имущество?

— По ведомости — восстановленный персонал.

— А сам?

Он не знал.

Сергей поднялся на платформе.

— Я сяду.

Лида толкнула обратно.

— У вас сердце сорок пять и отёк лёгких.

— Поэтому потеря дешевле.

— Для кого?

— Для группы.

— Вы уже усвоили старую систему.

— Я помогал её писать.

Тая осветила дерево.

— Никто не едет в воду. Срежем ветки, обвяжем ствол тросом, «Клоп» потянет назад и вправо. Дрезина толкнёт медленно.

— Трос может лопнуть, — сказал Кочет.

— Поэтому все за вагоном.

— Я у котла.

— Ты лежишь.

— Без давления не потянет.

Тая посмотрела на Лиду.

— Пять минут стоя, — сказала та. — Потом на пол.

Работали два часа. Дима рубил ветки, Иосиф вязал трос, Оля считала угол. На дрезине отвёрткой отключили датчик ритма, чтобы Николай мог спрыгнуть.

Ствол сдвинулся на первом натяжении, зацепился корнями за край дамбы. Трос зазвенел. Кочет удерживал давление, хотя Лида разрешила ему только пять минут; лицо было блее снега. Под рубашкой снова проступила кровь.

— Хватит! — крикнула Лида.

— Ещё метр!

Дрезина толкнула. Корни сорвались. Сосна ушла вправо, подняла чёрную воду и потянула трос.

Иосиф ударил по быстрому замку. Трос освободился за секунду до того, как край дрезины потащило к воде.

Дерево исчезло.

Вода закрылась льдом и снегом.

Путь был свободен.

Кочет упал возле котла.

Температура — тридцать восемь и два. Пульс — сто двадцать. Край раны разошёлся примерно на два сантиметра. Лида промыла, остановила кровь, рыхло тампонировала и закрыла новой повязкой, оставив отток; вслепую зашивать недавно нагноившуюся рану не стала. Первую дозу антибиотика ввела по выбранной ранее схеме.

— Я предупреждала.

— Путь открыт.

— Если инфекция в груди, на НЗ-3 тебя откроют ещё раз.

— У них хорошие врачи?

Сергей ответил:

— Архив содержит лучших.

— Живые есть?

— Не знаю.

— Тогда пусть лучшие подождут.
Кочет потерял сознание.

Лида укрыла его своим пальто. Сима отдала второе одеяло, не спрашивая Николая. Тот помог закрепить носилки на платформе.

На рассвете снег прекратился.

Впереди показались бетонные столбы, колючая проволока и высокая насыпь. За ней в склоне горы стояли ворота НЗ-3. Не герметичная дверь НЗ-1. Железнодорожный портал высотой с пятиэтажный дом. На створках белая цифра 3 и выцветший герб, у которого птица держала в лапах меч и колос.

Птица пережила страну. Меч заржавел. Колос облупился.

Перед воротами лежали пять тел в серой форме.

Те самые К-носители из вагона три.

Их вынесли из капсул и уложили вдоль пути. На груди номера К-08, К-11, К-22, К-31, К-44. Место К-03 было пустым.

Возле голов стояли таблички:

БИОЛОГИЧЕСКИЙ НОСИТЕЛЬ ИСЧЕРПАН. ПРОФИЛЬ ВОССТАНОВЛЕН/ОЖИДАЕТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ.

— Зачем снаружи? — спросила Тая.

— Освободили транспортные капсулы, — ответил Николай.

Лида прыгнула.

Проверила каждого. Смерть старая, но тела сохранялись искусственно. У К-44 глаза были открыты. Лида закрыла.

— Заберём внутрь.

— Приёмка карантинного состава имеет приоритет, — сказал Николай.

— Для тебя.

Она позвала Диму. Вместе перенесли первое тело на платформу. Потом второе.

Кочет лежал живой, рядом укладывали мёртвых. Места не хватало. Сняли три мешка торфа и оставили под брезентом у ворот.

Сергей смотрел на К-пластины в основаниях черепов.

— Их можно было не везти телами, — сказал он.

— Почему везли?

— Активная пластина подтверждает непрерывность профиля. Без неё архив — копия. С ней — продолжение функции.

— Мёртвый кусок металла делает нового человека законным начальником?

— По проекту.

— Удобно.

— Я уже слышал.

Ворота не открывались.

На панели горело:

КАРАНТИН. ОЖИДАЙТЕ САНИТАРНУЮ ГРУППУ.

Мы ждали сорок минут. Кочет начал дрожать. Отец снова задыхался. Вера прижалась к деревянной двери, закрыв уши. Внутри НЗ-3 двигались люди — сорок семь живых, восстановленные и двести с лишним тел. Но к воротам никто не шёл.

Тая нажала вызов.

— НЗ-3, у нас двое тяжёлых пациентов. Откройте медицинский шлюз.

Женский голос ответил:

— Карантинный протокол требует завершить проверку состава.

— Сколько?

— Три часа сорок минут.

— У нас нет.
— Показатели профиля Сергея Горина допустимы.
— Второй — Кочет. Живой.

Пауза.

— В описи отсутствует.

Кочет открыл глаза.

— Скажи... пусть посмотрят снаружи.

Тая ударила прикладом в панель.

— Добавьте.

— Необходимо подтверждение получателя.

— Кто получатель?

— Начальник Северного управления Александра Веденеева.

— Соедините.

— Занята восстановлением первой очереди.

Тая ударила второй раз. Экран треснул, но продолжил показывать три часа тридцать девять минут.

Оля пошла вдоль ворот и нашла путевой шкаф. Заперт на К-03. Иосиф приложил пластину — отказ. Николай — доступ только к маршруту. Серый ключ видел архив, чёрный — транспорт. Вера не могла сосредоточиться.

Сергей поднялся.

— Моя старая команда может открыть аварийную калитку.

— Какая?

— Нужен терминал.

Панель была разбита, но клавиши работали. Он набрал девять знаков. Система спросила голосовое подтверждение.

— Сергей Михайлович Горин. Архитектор К-контроля. Аварийный доступ «содержимое не совпадает с описью».

Ворота ответили:

ПРОФИЛЬ ГОРИНА АКТИВЕН В ДВУХ ВЕРСИЯХ. УТОЧНИТЕ ПРИОРИТЕТ.

— Текущий биологический носитель.

ПРИОРИТЕТ НИЖЕ АРХИВНОЙ ВЕРСИИ.

— Подтверждаю конфликт. Открыть для независимой проверки.

ПРАВО ПРОВЕРКИ ПРИНАДЛЕЖИТ ПОСЛЕДНЕЙ ВЕРСИИ.

Сергей закрыл глаза.

— Она уже активировала второго.

— В теле? — спросил я.

— Пока в сети. Но он получил приоритет.

Вера сползла с двери.

— Он смотрит.

— На что?

— На тебя.

У меня заболела правая рука.

Зелёные линии поднялись от ногтей к запястью. Прибор Лиды включился сам в сумке.

К-17. ВНЕШНЯЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ.

ПЕРЕХОД: 9 ДНЕЙ 2 ЧАСА.

Цифра менялась.

Девять дней один час пятьдесят девять минут.

Отсчёт пошёл не по часам.

По секундам.

— Он ускоряет, — сказала Вера.

Сергей положил ладонь на мою пластину.

Боль ударила до плеча. В голове возник белый коридор, которого я никогда не видел.

Мужчина стоял у стекла и держал за руку мальчика двенадцати лет.

Меня.

Только я не помнил этой комнаты.

Сергей отдёргнул руку.

Отсчёт остановился на восьми днях двадцати трёх часах.

— Теперь понимаешь? — спросил он.

— Что?

— Я приехал не спасать тебя.

Он прислонился к воротам, хватая воздух.

— Я приехал раньше второго, чтобы он не занял тебя.

За воротами ударил металл.

Не механизм. Кувалда.

Три удара, пауза, ещё два. В нижней части створки дрогнула небольшая дверь. Кто-то ломал её с внутренней стороны.

Тая ответила прикладом: два удара, пауза, три.

— Это что? — спросил Дима.

— Мы здесь, — сказала она.

— А пять-два?

— Я здесь. Северные посты пользовались до общей связи.

Изнутри ударили один раз.

Засов скрежетнул. Дверь открылась на ширину ладони. В щели появилось женское лицо в защитной маске.

— Карантин, — сказала женщина.

— Двое тяжёлых.

— Я знаю. Система не даёт открыть.

— Вы уже открыли.

— Это сливной проход. Он не в системе.

Женщина сняла маску. Лет тридцать, коротко остриженные волосы, под глазами синяки.

На шее прямоугольник пластины, вокруг свежий ожог.

— Анна Рощина?

— Да.

— Вы отправили сообщение?

— С помощью профиля Горина.

Она увидела Сергея у стены.

— Вы вышли из капсулы.

— Меня вынули.

— Я просила не вскрывать до шлюза.

— Вы просили? — спросила Лида.

— Нет. Система. Я не успела изменить.

— Тогда не говорите «я».

Анна приняла поправку.

— Проход узкий. Носилки не пройдут. С той стороны коридор и ручная лебёдка. Сначала врач.

Лида пролезла боком. За ней я с Кочетом на самодельной петле из брезента. Кочет пришёл в себя, потребовал идти ногами. Получил от Лиды обещание ударить обезболивающим флаконом.

Сергей прошёл сам. На середине двери застрял плечом. Тело изготовили по довоенному размеру мужчины, сливной проход — по размеру техника без зимней одежды. Пришлось снять куртку и проталкивать.

Вера отказалась входить.

— Там громко.

Тая осталась с ней снаружи. Оля, Мария, Дима, Сима, Иосиф и Николай тоже ждали. Анна сказала, что откроет главные ворота из машинного помещения, если успеет раньше блокировки.

— А если нет? — спросила Сима.

— Тогда ломаем второй слив.

— Здесь есть второй?

— Нет. Поэтому надо успеть.

Внутри пахло маслом, хлоркой и капустой. Коридор шёл под воротами; Анна толкала тележку с Кочетом, Сергей держался за трубу.

— Сколько живых? — спросил я.

— Сорок семь до запуска. Теперь пятьдесят.

Система считала восстановленных живыми только после адаптации. Анна проверяла пульс до и после и не понимала, где машина провела границу.

— Машина не обязана, — сказала Лида. — Мы проводим.

— Почему сорок семь обслуживали объект на двенадцать тысяч профилей?

— Мы не знали. По штату восемьдесят четыре на смене. Остальных считали должностями в резерве. В посёлке наверху сто девяносто три жителя, на объект допускают сорок семь.

Вера слышала только тех, кто касался сети. Мир снова оказался больше её числа. Это успокаивало и пугало одинаково.

— Посёлок знает про восстановление?

— Слышал свет и поезд. Утром Веденеева передала приказ явиться на перерегистрацию.

Никто не пришёл.

— Хороший посёлок.

— Они прислали старосту спросить, кто такая Веденеева. Система задержала его как временно исполняющего обязанности коменданта.

— Где?

— В комнате ожидания.

— Давно?

— Семь часов.

— Это камера?

— Раньше была столовая для водителей.

— Теперь?

— Дверь не открывается.

Мы дошли до развилки. Слева медицинский сектор, справа машинный зал. На полу белая линия. Сергей остановился.

— Не наступайте.

— Почему?

— Контур идентификации.

Анна уже стояла за линией.

— Меня пропускает.

— Вы действующий персонал. Нас поставит на учёт.

— Вы уже в описи.

— Я — да. Илью привяжет к архивному профилю.

Лида посмотрела на Кочета.

— Нам нужен медсектор.

— Можно снять датчик? — спросил я.

Анна показала щель под стеной. Контур шёл в бетон, отдельного шкафа не было.

— Обойти через вентиляцию, — сказал Сергей.

— С Кочетом?

— Нет.

Кочет приподнялся на тележке.

— Оставьте. Я линий не боюсь.

— У тебя сепсис начнётся, — сказала Лида.

— Он не умеет читать.

— Сепсис?

— Тоже.

Сергей снял с себя пластину идентификации — не из шеи, а дополнительную карту на браслете капсулы. Бросил на белую линию.

Система загорелась:

СЕРГЕЙ ГОРИН. ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ПРОФИЛЬ. АДАПТАЦИЯ НЕ ЗАВЕРШЕНА. НАПРАВИТЬ В МЕДИЦИНСКИЙ СЕКТОР.

Дверь слева открылась.

— Пока считает карту человеком, — сказал он.

Мы прошли рядом с датчиком, не наступая на полосу. Лида толкала тележку. Анна шла в машинный зал. Сергей остался последним.

— Ты? — спросил я.

— Заберу карту после вас.

— Линия увидит тело.

— Возможно.

— Тогда идём вместе.

— Илья.

— Что?

— Если меня привяжет, второй профиль получит доступ через это тело.

— Останешься здесь?

— Пока.

— У тебя лёгкие.

— В медсекторе есть оборудование.

— По другую сторону.

— Я знаю устройство.

— А я знаю, как ты решаешь за других.

Он посмотрел на меня.

— Это память или вывод?

— Оба.

Я вернулся, взял его под руку и шагнул через белую линию.

Пол вспыхнул.

К-17. ИЛЬЯ ГОРИН.

СВЯЗАННЫЙ ПРОФИЛЬ: СЕРГЕЙ ГОРИН.

ВЕРСИЯ НОСИТЕЛЯ: 74%.

АРХИВНАЯ ВЕРСИЯ: 91%.

Теперь мы знали число второго.

Сергей-74 согнулся. Я почувствовал удар в собственном затылке. Белый коридор вернулся. На этот раз мальчик у стекла смотрел на меня.

У него были мои глаза и номер Н-17 на груди.

ПРЕДЛОЖЕНА СИНХРОНИЗАЦИЯ.

— Отказ, — сказал я.

РЕШЕНИЕ К-17 НЕСТАБИЛЬНО. ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СВЯЗАННОГО ПРОФИЛЯ.

— Отказываюсь, — сказал Сергей.

ПРИОРИТЕТ ВЕРСИИ 74% НИЖЕ 91%.

Линия нагрелась под ногами.

Лида схватила меня за ворот и дёрнула в медсектор. Кочет с тележки поймал Сергея за ремень. Мы втроём упали за дверь.

Белая линия погасла.

СИНХРОНИЗАЦИЯ ПРЕРВАНА.

— Видишь, — прохрипел Кочет. — Охрана нужна.

Потом снова потерял сознание.

Медицинский сектор был рассчитан на двадцать коек. Работали шесть. На одной лежал староста посёлка, которого комната ожидания передала сюда после повышения давления. На второй — молодая женщина в серой форме с судорогами. Остальные занимали носители без профиля.

Четыре человека.

Голые, без волос. На груди номера Н-31, Н-32, Н-33, Н-34. Глаза закрыты. К кистям подключены датчики. Один сжимал простыню.

Не рефлекторно. В такт нашему разговору.

Лида увидела, но сначала занялась Кочетом. Разрезала рубашку. Инфекция ограниченная, дыхание справа слабее, давление низкое. Нужны рентген, дренирование и посев.

Всё было.

Рентген и ультразвук работали. В шкафу стояли антибиотики с контролируемой температурой.

Потом проверила сроки.

— Половина просрочена.

— Условия хранения штатные, — сказал Сергей.

— Значит, часть годна. Илья?

Я уже смотрел ампулы, температурный журнал, пломбы и реестр контроля. По внешнему виду нельзя доказать активность или стерильность. Старые партии оставил в карантине; выбрал новую, произведённую НЗ-3 пять месяцев назад, с непрерывным журналом и действующей контрольной отметкой.

— Эта.

Лида ввела антибиотик и раствор. На снимке — небольшой выпот без нового воздуха. Пока можно без повторного дренажа.

Сергей сел на соседнюю койку. Монитор подключился автоматически.

ПРОФИЛЬ НЕ ЗАВЕРШИЛ АДАПТАЦИЮ. ВВЕСТИ СУБСТРАТ.

Он нажал отказ.

Экран повторил.

— Сколько раз? — спросил я.

— Пока не согласится персонал.

Лида выбрала «противопоказано».

Система запросила основание.

— Пациент отказался.

ОТКАЗ ПРОФИЛЯ ДО АДАПТАЦИИ НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЕН.

— Тогда отказ врача.

ПОЛНОМОЧИЯ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНЫ.

Лида приложила старую пластину медицинской функции НЗ-1.

ЛИДИЯ СОМОВА. ВРЕМЕННЫЙ ПРОФИЛЬ ИСТЁК. АРХИВНАЯ ВЕРСИЯ ДОСТУПНА. ВОССТАНОВИТЬ ПОЛНОМОЧИЯ?

Она убрала руку.

— Нет.

Монитор продолжал требовать субстрат.

Илья-сроковщик не имел медицинских полномочий. Илья-К-17 имел доступ к общим ключам. Я приложил пластину и выбрал не лечение — списание препарата как непроверенного.

СУБСТРАТ ПЕРЕМЕЩЁН В КАРАНТИН.

Ампулы в автоматическом шкафу ушли вниз за стеклом.

— Теперь не введёт, — сказал я.

— Ты списал всё? — спросила Лида.

— До проверки.

— Оно может понадобится другим.

— Проверим и вернём.

Сергей смотрел на меня.

— Этому я учил.

— Нет. Этому научила машина, которая не понимает слово «нет».

В машинном зале загудел привод.

Анна открыла главные ворота.

Состав вошёл. Тая привела Веру, обёрнутую брезентом, чтобы меньше касалась металла. Оля и Иосиф направили вагоны в санитарный тупик. Сима шла рядом с Николаем, но теперь между ними был метр, а не два.

Мария принесла чёрный ящик.

Увидела четырёх носителей на койках.

Н-31 открыл глаза.

Радужка бесцветная. Взгляд прошёл по людям и остановился на ящике.

Палец поднялся.

Он нарисовал в воздухе прямоугольник.

Потом дверь.

Вера села на пол рядом.

— Это не тот, — сказала она.

— Кто? — спросила Лида.

— Кто рисовал раньше. Они знают один рисунок.

Н-31 снова провёл линию.

— Им показывали? — спросила Мария.

Сергей ответил:

— Сенсорная среда общая. Пока тела созревают, им дают простые задачи: отличать свет, звук, форму, движение. Дверь означает завершение теста.

— Для них?

— Для программы.

— А для них?

Он посмотрел на Н-31.

— Возможно, выход.

В медсектор вошли трое работников НЗ-3. Не восстановленные. Мужчина-механик, женщина в халате и молодой санитар. Остановились у двери, увидев столько чужих.

Женщину звали Елена Суркова. Единственный фельдшер объекта. Она посмотрела назначение Лиды, снимок Кочета, препараты и сказала:

— Правильно.

Это стало первым местным подтверждением, которое не требовала машина.

Санитар помог. Механик пошёл закрывать повреждённый сливной проход. Елена осмотрела Сергея.

— Веденеева приказала ввести субстрат всем восстановленным.

— Он отказался, — сказала Лида.

— Она сказала, отказ — дезориентация.

— А вы?

Елена сняла перчатки.

— Я видела Веденееву до субстрата. Она спрашивала, где её дочь. После — приказала открыть банк носителей. Больше про дочь не спрашивала.

Сергей сказал:

— Закрепление подавило несовместимый эмоциональный слой.

— Её дочь — несовместимый слой?

— Для функции начальника могла считаться.

— Тогда субстрат остаётся в карантине, — решила Елена.

— Ваших полномочий недостаточно, — сказал потолок голосом Веденеевой.

Все подняли головы.

Камера над дверью повернулась.

— Александра Константиновна, — сказала Анна. — Вы блокировали приём пациентов.

— Карантин обеспечивал безопасность объекта.

— Кочет мог умереть.

— Он отсутствовал в описи.

— Теперь есть.

Анна подняла бумажный журнал Оли. На нём кровь, снег и торф.

— Кем добавлен? — спросила Веденеева.

— Нами.

— Уточните орган управления.

— Людьми у ворот.

Камера задержалась на ней.

— Дежурный оператор Рощина временно отстраняется за нарушение карантина.

— Кто заменит?

— Восстановленный оператор К-11 после завершения переноса.

Анна сняла пластину с шеи. Она держалась на медицинском клее и двух тонких контактах. Кожа под ней кровила.

Положила на стол.

— Тогда я не дежурная.

Свет в медсекторе мигнул.

— Самовольное прекращение функции недействительно, — сказала Веденеева.

— Действительно для меня.

Тая встала под камерой.

— Нам нужно встретиться.

— После адаптации К-носителей и санитарной обработки состава.

— Нет.

— Уточните.

— Это отказ от вашего порядка. Мы не отдаём ключи, не вводим субстрат и не позволяем загружать носителей до разговора с ними.

— Носители не обладают речью.

Н-31 поднял руку и нарисовал дверь.

— Обладают ответом, — сказала Вера.

— К-49 должна пройти изоляцию. Её сетевая нагрузка опасна.

— Для кого?

— Для всех профилей.

Вера улыбнулась слабо.

— Значит, слышите меня.

Камера повернулась к Сергею.

— Версия Горина семьдесят четыре процента подлежит объединению с последней матрицей.

— Отказываюсь, — сказал он.

— Отказ принят как симптом.

— Запишите второй раз.

— Не требуется.

— Тогда я запишу, — сказала Мария.

Она открыла тетрадь.

Веденеева отключила камеру.

Через минуту двери медсектора заблокировались.

Не нападение. Карантин.

По потолку пошёл белый газ.

Елена сорвала пожарный шкаф. Внутри противогазы на шесть человек. Нас было больше. Тая разбила камеру. Оля полезла к дверному приводу. Дима закрыл вентиляцию мокрым одеялом.

Сергей вдохнул газ и упал.

Лида посмотрела на датчик.

— Не яд. Седативное. Быстро!

Я успел надеть маску на Веру. Тая отдала свою Марии. Анна — Н-31. Кочет уже был без сознания, Лида подключила кислород.

Газ пах яблоками.

Отец ненавидел яблоки. Или я помнил, что ненавидел.

Колени подогнулись.

Последнее, что увидел: дверь открылась.

В проёме стояла женщина лет сорока в сером мундире. Молодое тело носило старое лицо без единого неправильного движения.

Александра Веденеева вошла без маски.

— Приёмка завершена, — сказала она.

...

Я очнулся на койке.

Запястья не связаны. Серый ключ лежал на груди. Это пугало сильнее верёвки: значит, его не смогли или не захотели забрать.

Вокруг отдельная палата. За стеклом стоял Сергей-74.

Он держался на ногах. Субстрат ему не ввели — глаза оставались растерянными.

— Остальные? — спросил я.

— Живы. Разделены.

— Кочет?

— Получает лечение. Лида рядом.

— Вера?

— Изоляция без загрузки. Тая добила письменного отказа.

— Сколько я спал?

— Шесть часов.

Я посмотрел на прибор у койки.

К-17. СТАБИЛЬНОСТЬ: 71%.

ОЖИДАЕМЫЙ ПЕРЕХОД: 8 ДНЕЙ 17 ЧАСОВ.

— Нестеровский прибор давал семнадцать дней, — сказал я.

— Нестеров измерял без второй матрицы.

— Ты знал?

— Подозревал.

— Поэтому позвал.

— Поэтому просил прийти проверить.

— Разница?

— Если бы сказал, что могу спасти, ты бы не поверил.

— А можешь?

Сергей положил ладонь на стекло.

— Не знаю.

— Тогда зачем я здесь?

— Чтобы не отдать тебя тому, кто уверен.

За его спиной появилась Веденеева.

— Прогноз уточнён, — сказала она. — Без стабилизации К-17 потеряет самостоятельную биографию через девять суток от входа в северный контур.

— Уже восемь.

— Поэтому начнём сегодня.

Сергей не повернулся к ней.

— Не соглашайся.

— Вы не имеете права влиять на решение носителя, — сказала Веденеева.

— А вы?

— Я располагаю полной информацией.

Сергей посмотрел на меня через стекло.

— Вот это и опасно.

Глава 4. Контрольная смерть

Проверить смерть проще, чем жизнь.

У смерти мало показателей. Нет пульса. Нет дыхания. Тело остывает, кровь перестаёт ходить на работу. Через некоторое время вопросы заканчиваются вместе с тем, кому их задают.

Жизнь устроена хуже.

Пульс Сергея Горина был. Дыхание тоже. На вопросы он отвечал. Проблема заключалась в том, что ответы принадлежали человеку, чей труп я видел восемь лет назад.

Контрольная смерть не входила в инструкции сроковщика.

Пришлось составить свою.

Пункт первый: выпустить меня из палаты.

Я нажал вызов.

— Требуется медицинское наблюдение, — сказала система.

— Наблюдайте снаружи.

— К-17 находится в периоде ускоренного перехода.

— Поэтому не хочу тратить восемь дней в кровати.

— Решение может быть следствием нестабильности.

— А согласие на лечение?

— Будет принято после информирования.

— Почему отказ — симптом, а согласие — решение?

Система задумалась.

На стекле появился текст:

ВОПРОС ПЕРЕДАН МЕДИЦИНСКОМУ АДМИНИСТРАТОРУ.

— Кто администратор?

АРХИВНЫЙ ПРОФИЛЬ ЛИДИИ СОМОВОЙ.

Я посмотрел на Сергея за стеклом.

— Они загрузили Лиду?

— Нет. Используют речевой модуль копии.

— Удобно. Живой врач спорит, мёртвый подписывает.

Сергей коснулся панели снаружи.

— Аварийный выход не откроется. Веденева поставила изоляцию К-линии.

— Ты можешь снять?

— Версия девяносто один процент отменила доступ.

— Значит, от тебя осталось меньше власти, чем памяти.

— Власть хранили надёжнее.

— Ты об этом знал, когда строил?

— Знал.

— И всё равно строил.

— Да.

Пункт второй контрольной смерти: не принимать раскаяние раньше фактов.

Сергей не раскаивался. Это сэкономило время.

В коридоре появилась Веденева. Уже не в сером мундире — в белой медицинской одежде. Сменить форму оказалось проще, чем полномочия. За ней два охранника в обычных рабочих куртках. Живые местные, не восстановленные. Один держал автомат НЗ-3, второй — связку механических ключей.

— Как самочувствие? — спросила она.

— Запертое.

— Изоляция продлится до согласования процедуры.

— Я не согласую.

— Вы ещё не получили информацию.

— Тогда рассказывайте через дверь.

Она открыла на стене схему.

Три силуэта: К-17, профиль Сергея-74 и архив Сергея-91. Между ними линии. Четвёртый силуэт — К-49.

— Ваш симбионт был создан как производный от матрицы Сергея Горина, — сказала Веденеева. — К-17 не является самостоятельной линией. Это мобильный резерв ключа стратегического контроля.

— Человек — запасной замок.

— Оператор, способный восстановить полномочия при гибели старшего носителя.

— Почему я?

— Генетическая совместимость и раннее нейронное картирование.

— Мне было двенадцать.

— На момент базовой записи.

— Кто согласился?

— Сергей Горин как законный представитель несовершеннолетнего.

Я посмотрел на семьдесят четыре процента представителя.

Он не отвёл глаза.

— Ты подписал?

— Да.

— Объяснил мне?

— Нет.

— Почему?

— Программа была секретной.

— Отличное отцовство.

— Плохое.

Веденеева продолжила, будто оценка семьи не относилась к процедуре:

— После смерти старшего профиля К-17 должен был получить командный слой. Однако аварийное разделение прервало передачу. Симбионт восемь лет поддерживал незавершённое состояние. Подключение НЗ-3 возобновило процесс.

— Поэтому срок сократился.

— Не срок жизни. Срок до интеграции.

— Что останется после?

— Навыки, память и личность Ильи Горина с добавлением командного слоя Сергея.

— Процент потерь?

— От нуля до двадцати шести.

— Чьих?

— Наиболее несовместимых связей.

— Чьих?

Веденеева посмотрела на меня как на человека, который третий раз спрашивает цену товара, хотя цена написана «по договорённости».

— Прогноз невозможен до начала.

— Значит, не начинаем.

— Без стабилизации интеграция произойдёт неконтролируемо. Вероятность сохранения самостоятельной биографии ниже четырнадцати процентов.

— Вы предлагаете потерять до двадцати шести, чтобы не потерять больше.

— Да.

— И не знаете, какую часть.

- Да.
- Тогда дверь.
- Зачем?
- Мне нужно проверить данные и человека, который подписал первый раз. Веденеева перевела взгляд на Сергея-74.
- Его матрица неполна.
- Поэтому удобнее вас?
- Поэтому ненадёжна.
- Ваша полнее. Это ещё не делает её честнее.
- Честность не измеряется процентом.
- Наконец согласен.

Она стояла спокойно. Молодое тело не уставало держать спину. На шее под воротником проходил свежий шов, вокруг — синева. Веденеева получила носитель меньше суток назад и уже ходила по объекту, отдавала приказы, усыпляла людей. Субстрат делал хорошую работу.

Для функции.

— Ваши спутники требуют общего собрания, — сказала она. — Персонал НЗ-3 поддержал обсуждение. Я согласилась.

- Очень щедро.
- Открытость снижает сопротивление.
- Вот теперь честно.

— До собрания проведём идентификационную проверку восстановленных. Вы хотели проверить Сергея. Это разумно.

- Кто выбирает вопросы?
- Независимая группа.
- Какая?

— Вы, Анна Рощина, Серафима Власова, Лидия Сомова, два представителя персонала и я.

- Вы не независимы.
- Никто не независим от результата.
- Тогда зачем слово?
- Чтобы указать отсутствие единственного контролёра.

Её язык был лучше языка Нестерова. Он прятал человека в расчёте. Она признавала, что человек есть, и назначала ему правильную клетку.

- Дверь, — повторил я.
- Веденеева приложила ладонь.
- Стекло ушло в стену.

Охранники напряглись. Я не двинулся.

— Серый ключ остаётся у вас, — сказала она. — Чёрный у Таи. К-49 сохраняет собственный контур. До решения собрания первая очередь не запускается.

- Носителей не трогать.
- Медицинское обслуживание продолжится.
- Без загрузки и субстрата.
- Без необратимых процедур.
- Письменно.

Один охранник подал планшет. Веденеева записала условия, приложила палец. Я прочёл каждую строку. «Необратимая процедура» могла не включать подготовку, седацию и перевод. Добавил: не перемещать носителей без согласия живого врача и двух свидетелей; не использовать архивные профили как замену согласия; не менять приоритет версий.

— Последнее ограничит диагностику, — сказала она.

— Хорошо.

Подписала.

Я поставил отметку свидетеля, не согласие с её властью. На планшете различие помещалось в маленьком поле. В жизни занимало всё помещение.

Собрание назначили через четыре часа.

До него — контрольная смерть.

Проводили в бывшей столовой водителей. Старосту уже выпустили. Столы сдвинули в прямоугольник. На одном медицинские приборы, на втором бумаги и личные вещи восстановленных. На третьем — чай.

Дима всё-таки добился своего.

Участники сидели по сторонам. Сергей-74 рядом со мной. Николай напротив Симы. Иосиф возле Оли. Веденеева во главе, хотя Анна переставила её стул к обычной стороне.

— Это место председателя, — сказала Веденеева.

— Председателя пока нет.

— Я начальник объекта.

— Система считает.

— А вы?

— Я сняла пластину.

Анна села во главе сама. Не как начальник. Как человек, который первым отказался.

От персонала пришли механик Роман Белецкий и заведующая пищевым сектором Зоя Климова. Роман родился в посёлке, работал на НЗ-3 шестнадцать лет. Зоя — двадцать два. О существовании нижних этажей узнали вчера.

— Начинаем с простого, — сказала Анна. — Биология.

Лида брала кровь у восстановленных. Генетические профили тел сверяли с сохранившимися данными оригиналов. Тело Николая Власова не совпадало с генетическим профилем Власова. Тело Иосифа — с профилем Бражникова. Веденеевой — с её собственным. Сергея-74 — с профилем моего отца.

Ни одного совпадения.

Все тела происходили из четырёх обезличенных клеточных линий. У Николая и Сергея обнаружилась общая родительская линия — по набору маркеров они были ближе всего к генетическим полубратьям, хотя по воспоминаниям один родился в Створе, второй — за тысячу километров и на двадцать лет раньше.

— Наследственные болезни? — спросила Лида.

— У линии Н — повышенный риск кардиомиопатии, — ответила Веденеева.

— Поэтому сердце Сергея нестабильно?

— Морфологическое старение усилило дефект.

— Вы знали до загрузки?

— Система выбрала носитель по нейронной совместимости.

— Жизнь тела короче?

— Вероятно.

— На сколько?

— По расчётной модели без постоянного лечения — пять-семь лет.

Я посмотрел на Сергея.

— Второй срок годности.

— Длиннее первого, — ответил он.

Внешность проверяли отдельно. Шрамы наносили по архивным медицинским картам и фотографиям. Шрам Сергея над бровью сделали правильно. Ожог на левом плече — слишком маленьким. Старый перелом мизинца отсутствовал. Зубы были новые, но им придали форму его коронок.

— Кто решил, что лицо необходимо? — спросила Сима.

Веденеева ответила:

— Испытания показали: несовпадение отражения вызывает распад идентичности в первые недели.

— А совпадение что вызывает у родственников?

— Этот показатель не исследовали.

— Видно.

Николай слушал, не касаясь собственного лица. Сима положила перед ним фотографию. На ней мужчина лет сорока стоял возле локомотива, рука на плече молодой Симы. Лицо оригинала отличалось от восстановленного сильнее, чем показалось на станции.

— Кто? — спросила Анна.

— Я, — сказал Николай.

Сима ответила одновременно:

— Он.

Два местоимения столкнулись на столе.

— Опишите день, — сказала Анна.

Николай помнил: приём первого состава после ремонта ветки, август семьдесят пятого, жара, сломанный насос. Сима помнила дождь и сентябрь.

Иосиф вмешался:

— Ремонт закончили в августе. Фотограф приезжал в сентябре.

Николай закрыл глаза.

— Я объединил два события.

— Человек тоже путает, — сказала Зоя.

— Профиль потерял связь между датами, — возразила Веденеева.

— Разница?

— Ошибку человека можно исправить воспоминанием. Утраченной связи нет.

— А если человек не вспомнил?

— Тогда различить невозможно.

Зоя записала:

ПАМЯТЬ ПОДЛИННА В ЧАСТЯХ. ОШИБКИ НЕ ДОКАЗЫВАЮТ НИ ЖИЗНЬ, НИ ПОДДЕЛКУ.

— Хорошая строка, — сказал я.

— Для пищевого журнала длинная.

— Зато срок не нужен.

Проверяли закрытые знания.

Сима задала Николаю пять вопросов, ответы на которые не записывали в НЗ-3. Где они спрятали деньги до свадьбы. Как звали неродившегося ребёнка. Из-за чего она ушла из дома на три дня. Какой суп он ненавидел. Что сказал перед последним рейсом.

На три ответил точно.

Про ребёнка не помнил. Последний рейс случился после даты записи.

— Суп? — спросила Анна.

— Щавелевый.

Сима покачала головой.

— Молочный.

— Ты варила молочный после моей болезни. До этого щавелевый.

— Ненавидел оба.

— Значит, вопрос неправильный.

Она почти улыбнулась.

Потом вспомнила, зачем сидят.

Иосиф ответил на вопросы бывших работников по путевым узлам. Знал пароли, которых не было в цифровом архиве. Не знал, что один мост рухнул. Его навыки были настоящими на дату смерти и опасными сейчас.

— Значит, пригоден после переобучения, — сказала Веденеева.

— Пригоден к чему? — спросил Иосиф.

— Работе путевого мастера.

— Я хочу сначала пройти путь.

— Это и есть работа.

— Нет. Без приказа.

Веденеева посмотрела на него.

— Ваш профиль стабилен?

— Не знаю.

— Нужна диагностика.

— Я не просил.

— Ошибочное различение функции может быть ранним признаком распада.

Оля закрыла его журнал ладонью.

— Или поздним признаком человека.

Веденеева ничего не записала.

Потом проверяли Сергея.

Я подготовил десять вопросов. Пять из детства, три из работы, два ловушки.

Первый: что было внутри банки с буквой «П».

— Пластина базовой карты К-17, — сказал он.

— Что на обратной стороне?

— Ничего.

— Было слово.

— Какое?

— Это вопрос тебе.

— Не помню.

Ловушка. Я не видел обратную сторону.

Сергей не придумал.

Второй: где мать хранила сахар во время блокады Затвора.

— В банке из-под соли, на верхней полке. Ты нашёл и съел две ложки. Потом сказал, что крысы.

— Одна ложка.

— Две. Тебя вырвало.

Я помнил одну до рвоты. Возможно, он — две до.

Третий: почему у меня шрам на колене.

— Упал с водонапорной башни.

— С велосипеда.

— Шрам от велосипеда на правом локте. Колено разрезал на башне, но матери сказал про велосипед.

Я не помнил башню.

Тело помнило. Колено заболело тупо, как перед дождём.

Вера сидела у дальней стены и сказала:

— Это твоё.

— Что?

— Боль. Не его команда.

— Спасибо.

— Не за что.

Четвёртый: имя первого человека, которого отец не разрешил мне спасти просроченным антибиотиком.

— Алексей Тюрин.

— Женщина.

Сергей задумался.

— Анна Левчук была до Тюрина. Антибиотик не был просрочен. Он хранился при сорока градусах.

Верно.

Я намеренно смешал случаи.

Пятый: что он сказал у лаборатории в мой первый день.

— «Сын, здесь срок пишут не для товара. Для того, кто его съест».

Слово «сын» прозвучало чужим голосом молодого тела.

Я записал точный ответ.

Рука не дрожала.

Шестой: код аварийного разделителя НЗ-12.

Он назвал первые четыре знака и остановился.

— Остальные удалил из собственной матрицы перед записью.

— Можно удалить память выборочно?

— Не память. Доступ к воспроизведению. След остаётся, но получить нельзя без связанного ключа.

— К-17.

— Да.

— Поэтому второй профиль хочет меня.

— Возможно.

— Снова.

— Я не знаю, зачем последняя версия приехала на НЗ-3 пятого июня.

Седьмой вопрос был про мать.

— Ты снял кольцо после её смерти?

— Нет.

— Почему?

— Забыл.

Неправда.

Отец мог забыть поесть, дату собрания, где оставил пропуск. Кольцо он крутил каждый раз, когда думал. После смерти матери кожа под ним воспалялась, но не снял.

— Почему?

Сергей посмотрел на кольцо у Веры. Она всё ещё носила на большом пальце.

— Этот фрагмент повреждён.

— Удобно.

— Нет.

— Тогда придумай.

— Не буду.

— Почему подписался «твой отец», если им не считаешься?

— Уже отвечал.

— Ответь при всех.

Он провёл ладонью по столу.

— Я хотел, чтобы ты приехал. Помнил, что имею право позвать тебя так. После загрузки понял: право принадлежало непрерывности, которой у меня нет.

— Когда понял?

— Увидел тело в капсуле снаружи. До переноса я был экраном. После — увидел своё лицо и знал, что его изготовили.

— Но сообщение отправил до тела.

— Да.

— Значит, экран считал себя отцом.

— Профиль не видел разрыва.

— А тело показало?

— Боль показала.

Лида подняла голову от записей.

— Какая?

— У меня заболело сердце. У Сергея Горина сердце до смерти было здоровым. Это первый опыт, которому не принадлежала его память.

В комнате стало тихо.

Николай коснулся груди. Иосиф посмотрел на обожжённые пальцы.

Тело оказалось не тарой.

Оно было первым свидетелем нового человека.

Веденеева сказала:

— Адаптационные ощущения не отменяют преимущество профиля.

— Для вас, — ответил Сергей.

— Для программы.

— Мы проверяем не программу.

Она посмотрела на него так, как начальник смотрит на собственную старую подпись, переставшую подтверждать приказ.

Я зачеркнул слово «отец» в заголовке листа.

Написал:

СЕРГЕЙ-74.

— Возражаешь?

Он прочёл.

— Нет.

— Это не имя.

— Пока достаточно.

— Для кого?

— Для человека, который не хочет занять чужое место раньше проверки.

Восьмой вопрос: кто создал К-17.

— Группа из одиннадцати специалистов. Я отвечал за контроль деградации. Веденеева — за стратегическую функцию. Генетический материал твой. Симбионт производный от моей К-линии. Базовая нейронная карта снята у тебя в двенадцать лет.

— Согласие?

— Моё.

— Моё?

— Нет.

— Матери?

— Она не знала.

— Почему выбрал сына?

Сергей-74 долго молчал.

— Не выбрал.

— Подпись твоя.

— Предложили четыре совместимых ребёнка сотрудников. Трое имели высокий риск отторжения. Ты — низкий.

- Значит, выбрал.
- Выбрал тебя вместо чужого ребёнка.
- Благородно.
- Нет.
- Тогда как?
- Трусливо.

Веденеева вмешалась:

— Без К-17 программа потеряла бы резерв разделения. Это решение спасло регион при НЗ-1.

— Через двадцать два года, — сказал я. — Поэтому двенадцатилетний должен был согласиться заранее?

- Исторический результат нельзя использовать как исходное обоснование.
- Но вы только что использовали.

Она замолчала.

Девятый вопрос: что произошло с другими тремя детьми.

Сергей-74 не знал.

Веденеева знала.

- Кандидаты Н-05, Н-12 и Н-19 исключены после испытаний.
- Имена.
- В служебном архиве номера.
- Они были детьми сотрудников.
- Имена закрыты протоколом.
- Откройте.
- Не относится к идентичности Сергея.
- Относится к моей.

Она отказала.

Анна поставила в протоколе:

**К-03 СОХРАНЯЕТ ДОСТУП К ДАННЫМ, КОТОРЫЕ НЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ
ПРОВЕРЯЕМОЙ СТОРОНЕ. НЕЗАВИСИМОСТЬ ПРОВЕРКИ НАРУШЕНА.**

Веденеева прочла.

- Данные будут представлены после собрания.
- Почему после?
- Требуется проверка последствий раскрытия.
- Для живых или для программы?
- Для обоих.

Анна не исправила строку.

Десятый вопрос я не задавал вслух.

Положил перед Сергеем лист с тремя короткими и одной длинной чертой.

Он перевернул бумагу.

На обратной стороне ничего.

- Опись совпадает, содержимое нет, — сказал он.
- Что проверял?
- Себя.
- Когда оставил код?
- В день твоей базовой записи.
- Зачем?
- Если программа когда-нибудь вернёт меня, ты должен проверить, кто внутри.
- И что я должен найти?
- Не знаю. Сергей, оставивший знак, ещё не умер и не мог знать.

— Тогда бесполезная инструкция.

— Нет. Она не обещала ответ. Только проверку.

Я положил лист рядом с протоколом.

По биологии Сергей-74 не был моим отцом.

По памяти знал вещи, которых не знал никто живой.

По навыкам оставался сроковщиком и архитектором К-линии.

По собственному решению не хотел занимать прежнее место.

Проверка не дала названия.

Зато обнаружила содержимое.

Следующим проверяли право.

Не моральное. С ним приборов не придумали. Право открывать двери, получать вещи и приказывать людям.

Сергею-74 выдали старую служебную карту без электронного слоя. На ней фотография оригинала, фамилия, должность: главный специалист лаборатории контроля. Срок действия закончился в декабре семьдесят восьмого, через полгода после смерти.

Система прочитала лицо нового тела и продлила карту автоматически.

ЛИЧНОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНА. ДОСТУП УРОВНЯ 4 ВОЗОБНОВЛЁН.

— Я не просил, — сказал Сергей.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ДОСТУП НЕ ТРЕБУЕТ ЗАПРОСА.

Анна записала.

Николаю вернули права машиниста, Иосифу — путевого мастера. Веденеева уже получила стратегический уровень. Никакого экзамена после восьми лет не требовалось. Система считала смерть вынужденным отпуском.

— Попробуйте открыть лабораторию, — сказала Анна Сергею.

Мы пошли на шестой уровень. Лифт не использовали: Мария не переносила закрытые кабины, а Вера — сеть. Спускались по лестнице. Стены чистые, на площадках аварийные запасы воды. Каждые два этажа камера поворачивалась за нами.

Сергей знал дорогу.

Один раз свернул к двери, которой не было на плане Анны. За ней узкий переход в старое крыло.

— Откуда? — спросила она.

— Был здесь в семьдесят восьмом.

— В профиле семьдесят четыре процента нет записи визита.

— Этот коридор строили раньше. Я приехал в семьдесят шестом проверять матрицы.

— Значит, память настоящая, — сказал Роман.

— Или схема загружена как навык, — возразила Мария.

Сергей остановился у серой двери без номера. Приложил карту.

Замок открылся.

Внутри лаборатория. Два стола, шкафы, стеклянная стена. За ней стояло кресло синхронизации размером для ребёнка.

На подголовнике выцветший номер:

К-17-Б.

Я вошёл.

Запах спирта и старого пластика ударил раньше воспоминания. В висках стало тесно. Я видел эту комнату не глазами — поверх неё лежала другая: ярче свет, люди в белых халатах, отец за стеклом. Ремни на запястьях. Женщина говорит, что процедура похожа на сон.

Мне двенадцать.

Я спрашиваю, зачем ремни во сне.

Женщина отвечает: чтобы не упасть.

— Илья, — сказала Тая.

Настоящая комната вернулась.

Я стоял возле кресла, держась за ремень.

— Помнишь? — спросил Сергей.

— Теперь.

— До входа?

— Нет.

— Значит, контекстный ключ сохранился.

— По-русски.

— Память подавили, не удалили. Комната сняла блок.

— Кто блокировал?

— Я подписал.

— Зачем?

— Чтобы ты не рассказал матери и не боялся повторной процедуры.

— Она была?

— Три раза.

Я сел в кресло.

Ремни были короткими для взрослого. На правом сохранилась тёмная полоска. Кровь или йод.

Вера остановилась в дверях.

— Здесь много тебя.

— Запись?

— Следы. Страх. Злость. Ещё ты считал лампы.

Я посмотрел на потолок.

Восемь.

В детской памяти было девять. Одну заменили решёткой вентиляции.

— Зачем считал?

— Чтобы не слышать отца, — сказала Вера.

Сергей-74 закрыл глаза.

— Я был за стеклом.

— Знаю.

— Не помню, что говорил.

— Я тоже.

— Вторая версия может помнить.

— Не хочу у неё спрашивать.

Это было первое решение о прошлом, которое не требовало полного архива.

Анна открыла шкаф. Внутри пломбы, электроды, старые журналы. Бумажные листы датировались семьдесят шестым годом. В списке кандидатов четыре номера.

К-17-Б — Илья Горин.

Н-05-Б — имя закрыто чёрной полосой.

Н-12-Б.

Н-19-Б.

Напротив К-17 три процедуры и подпись Сергея. Напротив Н-05 — одна, тяжёлая реакция, исключён. Н-12 — отказ законного представителя после первой процедуры. Н-19 — смерть при подготовке.

— Ребёнок умер? — спросила Лида.

Сергей прочёл.

— В моей памяти этого нет.

— Подпись рядом ваша.

Под строкой Н-19 стояло:

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСПЫТАНИЙ ДОПУСТИМО ПРИ УСИЛЕННОМ МОНИТОРИНГЕ. С. М. ГОРИН.

Я показал.

— Твоя?

Он сравнил почерк с картой.

— Да.

— Не помнишь смерть, но разрешил продолжать.

— Похоже.

— «Похоже»?

— Я не стану присваивать вину только потому, что подпись похожа. Сначала проверим документ.

— А право позвать меня отцом присвоил быстрее.

Сергей отступил на шаг.

— Да.

Веденеева вошла без разрешения. Стратегический доступ открывал все двери, включая разговоры.

— Н-19 умер от врождённой сосудистой аномалии, не от процедуры, — сказала она.

— Имя.

— Закрыто по желанию семьи.

— Семья жива?

— Родители погибли во время Цветения.

— Тогда кто защищён полосой?

— Архив.

Анна сняла журнал со стола.

— Теперь он под местной проверкой.

— Вы не имеете допуска.

— Тогда заберите силой.

Охраны у Веденеевой не было. Она могла вызвать. Не вызвала.

— После собрания создадим комиссию, — сказала она.

— Уже создали, — ответила Анна.

Лида осмотрела кресло. Нашла отверстие подачи препаратов, детскую дыхательную маску и фиксатор головы.

— Илья, у тебя после процедуры были судороги?

— Не помню.

Сергей сказал:

— После второй. Семь минут. Купировали.

— В больнице?

— Здесь.

— Мать знала?

— Сказал, что пищевое отравление.

Я рассмеялся.

Не от смешного. Иногда тело выбирает звук без согласования с биографией.

Отец всю жизнь учил не подписывать ложный срок. Потом списал судороги сына на еду.

— Какой продукт? — спросил я.

— Домашние грибы.

— Я после этого не ел грибы девять лет.

— Знаю.

— Ты сделал меня сроковщиком, потому что виновата еда.

— Не планировал.

— Отлично получилось.

Тая положила руку на спинку кресла.

— Сколько ещё детей проходило по другим линиям?

Веденеева ответила:

— Сорок восемь кандидатов. Успешные имплантации — одиннадцать.

— Живы?

— На дату Цветения семь.

— Сейчас?

— К-17 единственный подтверждённый.

— Остальные профили в резерве?

— Базовые записи есть.

— Можно восстановить детей взрослыми?

— Функционально — да. Биографически целостность будет низкой.

— Поэтому тела?

Веденеева не ответила сразу.

— Часть банка предназначалась для продолжения К-линии.

Вера вошла в лабораторию.

Свет погас на секунду.

Кресло включилось.

На стекле появились одиннадцать детских лиц. Моё — первым. Остальные размыты. Под каждым номер и процент.

Н-19 показывал ноль жизненных лет после записи, но профиль — сорок один процент.

— Вы храните ребёнка, который не успел жить дальше, — сказала Вера.

— Храним карту совместимости.

— Он боится.

— Архив не испытывает эмоций без запуска.

— Тогда это мой страх?

Веденеева посмотрела на экран.

— Возможно, сеть воспроизводит эмоциональную метку.

— Чью?

— Носителя на момент записи.

— Значит, испытывал.

Лица погасли.

Вера вышла. Тая за ней.

Я забрал бумажный список.

Веденеева не остановила.

Из лаборатории мы пошли к старому кабинету Сергея. Система подписывала его как действующего владельца. Дверь открылась на карту 74-процентной версии.

Внутри всё сохранилось. Стол, металлический шкаф, кружка с трещиной, фотография семьи. На фотографии мать, отец и я в десять лет. Стекло запылилось, но лица были видны.

Сергей взял рамку.

Рука дрожала.

— Это моя? — спросил он.

— Фотография?

— Память о дне.

— Где снято?

— У водохранилища. Мать разозлилась, потому что я забыл хлеб. Ты поймал рыбу крючком без наживки.

— Рыбу поймала мать.

— Нет. Она сказала, что поймала, чтобы ты не хвастался.

Я помнил мать с рыбой. Отец спорил из профиля, которому не хватало двадцати шести процентов. Проверить было не у кого.

— Заберёшь?

— Это вещь Сергея Горина.

— На двери написано, что ты он.

— Дверь ошибается.

— Тогда оставь.

Он поставил рамку точно на прежнее место.

В ящике стола лежали письма, служебные карты, пачка сухого печенья. Печенье превратилось в серый камень. Я проверил дату. Срок вышел за месяц до смерти.

— Не выбросил, — сказал я.

— Забыл.

— Главный специалист контроля.

— Поэтому не подписал годность.

В нижнем ящике нашли личное распоряжение:

В СЛУЧАЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОФИЛЯ С. М. ГОРИНА НЕ ПЕРЕДАВАТЬ ЕМУ СЕМЕЙНОЕ ИМУЩЕСТВО, ОПЕКУ, ПРАВО ПОДПИСИ ЗА РОДСТВЕННИКОВ ИЛИ СТАТУС ОТЦА ИЛИ ГОРИНА БЕЗ ЛИЧНОГО ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО.

Дата — шестое июня семьдесят восьмого.

На следующий день после последней поездки в НЗ-3. За пять дней до смерти.

Подпись Сергея.

— Вторая версия знала, — сказал я.

Сергей-74 прочёл дважды.

— Поэтому первая оставила сообщение.

— Ты не помнил документ.

— Нет. Но при загрузке получил служебное ограничение: предупредить К-17 о конфликте версий.

— Кто поставил?

— Последняя версия.

— Она предупредила о себе?

— Похоже.

— Зачем теперь хочет занять меня?

— Возможно, не хочет. Командный слой выполняет функцию независимо от личности.

— Ты всё время отделяешь человека от его приказа.

— Потому что сам так устроен.

Я отдал распоряжение Анне.

Она внесла в протокол:

ОРИГИНАЛ ЗАРАНЕЕ ОТКАЗАЛ ВОССТАНОВЛЕННЫМ В АВТОМАТИЧЕСКОМ НАСЛЕДОВАНИИ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ.

Сима прочла через плечо.

— Только семейных?

— Здесь так.

— А должность оставил?

— Не запретил.

— Значит, знал, что начальникам вернут больше, чем отцам.

Веденеева стояла в двери.

- Семейные отношения субъективны. Функциональные полномочия проверяемы.
- Кем? — спросила Сима.
- Системой допуска.
- Которую вы теперь возглавляете.
- Которую я возглавляла до смерти.
- Вот именно.

Анна предложила проверить Веденееву тем же способом.

Она согласилась.

Биология — чужая клеточная линия В. Морфология воспроизведена в возрасте сорока двух лет, хотя умерла в сорок четыре. Матрица К-03 — восемьдесят восемь процентов. Субстрат поднял функциональную целостность до девяноста двух за счёт подавления конфликтных связей.

- То есть процент вырос после стирания? — спросила Мария.
- После стабилизации.
- Чего не стало?

Веденеева открыла отчёт.

СНИЖЕНА АКТИВНОСТЬ: СЕМЕЙНАЯ ТРЕВОГА, ГОРЕ, СОМНЕНИЕ В ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ, СТРАХ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СМЕРТИ.

- Очень мешало работе, — сказал я.
- Да.
- Вы согласились убрать?
- До завершения адаптации профиль не принимает решения.
- Тогда кто вы сейчас?
- Александра Веденеева.
- Та, которая сомневалась, или функция без сомнения?
- Обе версии входят в матрицу. Конфликтующий слой подавлен, не уничтожен.
- Можете вернуть?
- После стабилизации объекта.
- Хотите?

Она сделала паузу.

- Вопрос вызывает у меня физиологическую реакцию.
- Это не ответ.
- Другого пока нет.

Веденеева не врала. Система удалила из неё женщину, способную ответить, и оставила достаточно памяти, чтобы понимать потерю.

- Дочь? — спросила Елена.

Веденеева повернулась к фельдшеру.

- Что?
- После пробуждения вы спрашивали дочь.
- В архиве есть Елизавета Веденеева, профиль тридцать девять процентов.
- Вы хотите её вернуть?
- Профиль не соответствует критериям первой очереди.
- Я спрашивала вас.
- Ответ не влияет на задачу.

Елена записала в медицинском протоколе:

ПОСЛЕ СУБСТРАТА ПАЦИЕНТ НЕ МОЖЕТ СФОРМУЛИРОВАТЬ ЛИЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ДОЧЕРИ.

- Уберите слово «пациент», — сказала Веденеева.

— Нет.

— Я не нахожусь под вашим лечением.

— Вы получили вещество, изменившее эмоциональные связи. Пока не установлено, обратимо ли, вы пациент.

— Ваши полномочия фельдшера не включают оценку К-профилей.

— Тогда пригласите живого врача с полномочиями.

— Архив Лидии Сомовой доступен.

Живая Лида встала.

— Архивная версия не видела вас после субстрата.

— Ей можно передать показатели.

— Показатели — не пациент.

Веденеева посмотрела по кругу. Впервые в комнате её доступ не превращался в решение. Люди просто продолжали считать её больной.

— Внесите временно, — сказала она.

Елена внесла.

Проверка права закончилась тремя выводами.

Система возвращала должности автоматически.

Личные вещи узнавали память, но не выбирали владельца.

Сами восстановленные различались: одни принимали старое место, другие отказывались, третьи ещё не поняли вопрос.

Анна написала четвёртый:

НИ ОДНА ДВЕРЬ НЕ МОЖЕТ ПОДТВЕРДИТЬ, КТО ИМЕЕТ ПРАВО ЖИТЬ ЗА НЕЙ.

Веденеева не оспорила.

С потолка пришёл аварийный сигнал.

**НИЖНИЙ КОНТУР: ПАДЕНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ БАНКА НОСИТЕЛЕЙ.
РИСК ПОТЕРИ: 19 ЕДИНИЦ.**

Свет мигнул.

Роман вскочил.

— Второй насос охлаждения.

— Он исправен, — сказала Анна.

— Был вчера.

Веденеева уже открывала схему.

— Заклинил клапан обратного контура. Ручное переключение на минус восемнадцатом уровне. До критической температуры сорок две минуты.

— Лифт заблокирован нижней системой, — сказала Анна.

— Мой доступ откроет.

— А если нет?

— Потеряем девятнадцать носителей.

Она не сказала людей.

Но побежала первой.

Лифт открылся ей.

Нам — нет.

Створки закрылись перед Анной. На табло кабина пошла вниз.

— Лестница, — сказала Тая.

До минус восемнадцатого уровня было триста сорок ступеней. Веденеева приедет за минуту. Мы — за пять, если Кочет не с нами. Он остался в медсекторе под присмотром Елены и громко возражал по внутренней связи.

Бежали Вера, Тая, Анна, Роман, Лида, Мария, я и Сергей-74. Сима и восстановленные путейцы пошли собирать людей к собранию.

На минус девятом у Сергея сбилось дыхание. Он остановился.

— Идите.

— Лида? — спросил я.

Она проверила пульс.

— Не бежать. Поднимайтесь обратно.

— Там его носители, — сказал Сергей.

— Чьи?

Он понял.

— Люди.

— Тогда живите достаточно долго, чтобы это повторить.

Оставили его на площадке. Я побежал дальше.

На минус четырнадцатом воздух стал тёплым и влажным. За дверями гудели насосы. На минус восемнадцатом коридор закончился круглым залом. Три трубы толщиной с вагон уходили в стену. На центральной красный клапан, возле него Веденева.

Она уже открыла защитную крышку. Внутри два маховика вращались в разные стороны.

— Обратный контур заклинил между режимами, — сказала она. — Нужно удержать левый, пока правый переведу вручную.

Роман посмотрел на давление.

— Левый сорвёт.

— На девять секунд.

— Человеку нельзя.

— Приводной захват в шкафу.

Шкаф не открывался: локальная автоматика считала аварию следствием несанкционированного доступа и заблокировала инструмент до прибытия ремонтной функции.

— Ремонтная функция я, — сказал Роман.

ПРОФИЛЬ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН.

— Шестнадцать лет здесь работаю.

ТРЕБУЕТСЯ ВОССТАНОВЛЕННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ.

Веденева сняла с трубы аварийную цепь.

— Двое держат левый цепью. Третий переводит правый. После щелчка отпустить сразу.

— Откуда знаете? — спросил Роман.

— Проектировала регламент.

— Он неверный. Давление выше в полтора раза.

— Почему?

— Мы восемь лет грели посёлок обратным контуром. Труба общая.

Веденева посмотрела на показатели заново.

Её память знала механизм. Роман знал, что с ним сделали живые.

— Тогда двое на правом, трое на левом, — сказала она. — Сброс в отопление на двадцать секунд.

— Посёлок потеряет тепло.

— На двадцать секунд.

— Получит гидроудар.

Роман открыл ручной байпас, о котором не было схемы. Самодельная труба уходила вверх.

— Сначала сюда. Давление упадёт.

— Куда?

— В баню.

— Температура пара сто сорок.

— Поэтому по средам баня хорошая.

У Веденеевой дёрнулся угол рта. Возможно, подавленное чувство юмора пыталось вернуться через техническое уважение.

Мы взялись за цепи. Тая и Анна справа. Я, Роман и Мария слева. Вера стояла у панели, удерживая систему от автоматического закрытия.

— Сейчас, — сказала Веденеева.

Роман открыл байпас.

Труба взревела. Где-то наверху баня получила недельную норму пара за одну минуту.

— Левый!

Цепь рванула ладони. Маховик пытался вывернуться. Я навалился всем весом. Пластина К-17 нагрелась, и механизм на секунду стал понятным как рука: давление, угол, момент сопротивления.

— Правый на два зуба! — крикнул я.

Веденеева перевела. Первый зуб. Второй.

Щелчок.

— Отпустить!

Цепь ушла, ударила по трубе. Анну задело звеном по плечу. Мария упала. Давление снизилось.

На панели:

ОБРАТНЫЙ КОНТУР ВОССТАНОВЛЕН.

ТЕМПЕРАТУРА БАНКА: СТАБИЛИЗАЦИЯ.

Температура девятнадцати носителей перестала падать.

Веденеева закрыла байпас.

Роман остановил её.

— Не сразу. Иначе баню разорвёт.

Она убрала руку.

Вместе они снизили поток за три минуты.

— Регламент нужно изменить, — сказала Веденеева.

— Уже изменил восемь лет назад.

— Документировать.

— Теперь документируйте вы. Я плечо Анне посмотрю.

Роман ушёл.

Веденеева осталась у панели. Её план спас носителей. Без местной трубы погубил бы посёлок. Роман знал настоящее. Без её памяти не успел бы найти клапан.

Польза не отвечала, кто начальник.

Только доказывала, что оба нужны.

Вера стояла у стеклянной стены. За ней открылся свет.

Банк носителей.

Не палата. Огромный колодец с ярусами капсул. Тридцать два уровня вниз. В каждой человеческое тело в прозрачной жидкости. Одни взрослые, другие подростковые, несколько детских.

После выдачи Н-09 Николаю реестр показывал двести восемнадцать свободных носителей. Сергей и Веденеева использовали тела из отдельной приёмной партии, поэтому на них число не менялось. Но физическая свёрка банка — по капсулам и медицинским постам — находила на объекте только двести семнадцать. Одного носителя не было ещё до нашего прибытия.

— Где двести восемнадцатый? — спросила Лида.

Веденеева открыла журнал.

Н-17. САМОПРОИЗВОЛЬНЫЙ ВЫХОД ИЗ СЕНСОРНОЙ СРЕДЫ. МЕСТО- НАХОЖДЕНИЕ НЕ УСТАНОВЛЕНО.

— Тело ушло? — спросила Анна.

— До запуска вагона. Система считала ошибкой датчика.

— Голое, без речи?

— Физиологический возраст девятнадцать лет. Двигательное обучение завершено.

— Значит, ходит.

— Не должен выбирать маршрут.

Вера коснулась стекла.

На внутренней стороне появился белый след.

Палец провёл прямоугольник.

Дверь.

Потом ещё один, ниже.

— Он здесь, — сказала Вера.

— Где? — спросила Тая.

— Между ярусами. Прячется от света.

Камеры показали только трубы и тени.

Веденеева включила поиск.

— Не надо, — сказала Вера.

— Носитель должен вернуться в среду.

— Он вышел.

— Самопроизвольная двигательная реакция.

— Он рисует дверь всем остальным.

В стекло ударили изнутри.

Не в нашу стену. Сначала на верхнем ярусе. Потом ниже. Ещё ниже. Сотни ладоней коснулись крышек капсул.

Датчики заполнили экран:

ФОНОВАЯ АКТИВНОСТЬ ВЫШЕ НОРМЫ.

— Они слышат, — сказала Лида.

— Сенсорная среда общая, — ответила Веденеева.

— Нас?

— Сигналы друг друга.

— Достаточно.

Веденеева отключила поиск Н-17.

Не признала. Просто прекратила.

На обратном пути мы забрали Сергея с лестницы. Он сидел там, где оставили, и читал найденный лист К-кандидатов.

— Н-19 звали Михаил Савельев, — сказал он.

— Вспомнил?

— Нет. Нашёл скрытый индекс в подписи. Я сам закрыл имя.

— Почему?

— Его отец был мой подчинённый. После смерти ребёнка потребовал остановить программу. Я перевёл его в другой сектор и продолжил.

— Ты или оригинал?

— Оригинал. Я помню перевод. Смерть была заблокирована отдельно.

— Теперь отвечаешь?

— За то, что знаю сейчас, — да. За наказание — не мне решать.

— Удобная новая жизнь.

— Нет имущества, семьи, должности. Пять-семь лет больного сердца. И чужая смерть в памяти. Не особенно.

— Зато молодой организм.

— Хочешь обменяться?

Я посмотрел на него.

Первое раздражение, не служебная фраза. Новая жизнь начинала портить характер.

— Нет.

— Тогда перестань считать моё тело выгодой.

— Перестань называть моё запасным.

— Согласен.

Мы поднялись к собранию.

В бывшем грузовом зале ждали сто двенадцать жителей посёлка, сорок работников смены, наша группа и трое восстановленных. Кочета привезли на койке; температура снизилась. Он потребовал поставить ближе к выходу, потому что у любого собрания должен быть путь отхода.

В центре лежали три журнала: Анны, Оли и Марии. Рядом — распоряжение Сергея об отказе в семейных правах, список детских кандидатов и отчёт о субстрате Веденеевой.

Никто не стоял на возвышении.

Начала Анна.

— Вчера мы узнали, что под нами хранят двенадцать тысяч четыреста профилей. Реестр показывает двести восемнадцать свободных тел, но физическая сверка находит на объекте двести семнадцать. Три профиля завершили восстановление, Сергей-74 проходит его отдельно. Носитель Н-17 ушёл сам. НЗ-3 считает начальником Александру Веденееву. Посёлок её не выбирал и раньше о ней не знал.

С задних рядов спросили:

— Она насос спасла?

— Вместе с Романом.

— Врачей может вернуть?

— Может загрузить архив врачей в носителей, — сказала Лида. — Это не то же самое.

— Лечить смогут?

— Вероятно.

— У нас двое умерли прошлой зимой без хирурга.

Веденеева не перебивала. Ждала, пока польза заговорит за неё.

Староста посёлка поднялся. После семи часов в комнате ожидания у него дрожала левая рука.

— Если это люди, почему держали внизу?

— Проектный резерв, — ответила Веденеева. — До активации носители не имели самостоятельной биографии.

— Один ушёл.

— Сбой.

— Сбои далеко уходят?

Зал загудел.

Анна подняла ладонь.

— Решаем не всю жизнь сегодня. Первое: запускать ли первую очередь до проверки носителей и профилей.

— Профили мёртвые, — сказал кто-то.

Сергей-74 ответил:

— До тела я мог говорить, помнить и просить. Но не чувствовал последствий. Не называйте это полноценной жизнью. И не называйте отсутствием.

— А сейчас?

— Сейчас я отдельный человек, которому выдали память Сергея Горина.

— Вы умеете чинить К-линии?

— Да.

— Тогда нам какая разница, как называть?

— Вам — пока никакой. Мне — вся.

Веденеева выступила после.

Не рассказывала о долге перед государством. Показала список зимних рисков. Реакторный инженер умер пять лет назад. Единственный хирург — шесть. Специалист по очистке воды — три. Архивы сохранены. Без них вероятность остановки тепла зимой — тридцать восемь процентов, прогнозируемые смерти — от ста десяти до ста восьмидесяти человек.

На объекте и в соседних посёлках.

— С загрузкой? — спросил я.

— Риск снижается до девяти процентов.

— Цена?

— Три носителя первой очереди и ресурс среды.

— Что происходит с их фоновой личностью?

— Интегрируется или подавляется.

— Процент?

— Не измеряется отдельно.

— Значит, может исчезнуть полностью.

— Да.

Зал снова загудел. Но уже иначе. Перед людьми лежали не зло и добро. Три неизвестных носителя против сотни знакомых зимой.

Веденеева умела выбирать честные числа, когда они работали на приказ.

— До решения первая очередь не запускается, — сказала Анна.

— Температурная авария показала срочность, — возразила Веденеева.

— И показала, что живой Роман знает систему лучше архива.

— Вместе эффективность выше.

— Тогда вместе и решать.

Голосование назначили после осмотра носителей и разговора с профилями врачей. Не раньше следующего дня.

Веденеева согласилась.

Слишком легко.

Потому что в момент, когда люди подняли руки за отсрочку, на нижнем уровне включился новый контур.

Экран в зале показал:

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ: АВТОНОМНАЯ АКТИВАЦИЯ.

ПРОФИЛЬ СЕРГЕЯ ГОРИНА — 91%.

НОСИТЕЛЬ К-17 — СОВМЕСТИМОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА.

Я посмотрел на Веденееву.

— Вы обещали не менять приоритет.

— Я не меняла.

— Кто?

Сергей-74 ответил раньше:

— Я.

Все повернулись к нему.

Он держал старую служебную карту. На ней горел уровень четыре.

— Когда открыл лабораторию, доступ восстановил последнюю незавершённую команду оригинала, — сказал он. — Я не знал, пока не увидел статус.

— Какую команду?

— Если К-17 вернётся на НЗ-3, активировать мою последнюю версию.

— Зачем?

— Чтобы завершить то, ради чего меня записали пятого июня.

— Что именно?

Сергей-74 посмотрел на экран.

— Сделать тебя мной.

Глава 5. Учебный город

Город под землёй строят по двум причинам.

Чтобы выжить снаружи.

Или чтобы не знать, что снаружи есть.

Учебный город НЗ-3 относился ко второй категории. Его жители восемь лет ходили на работу, покупали хлеб и возвращались домой в квартале длиной сто двадцать метров. Солнце включалось по расписанию. Дождь подавали через форсунки. Зима стоила дорого, поэтому выпадала раз в четыре года на шесть часов.

Никто из жителей не имел тела.

Пока.

Автономная активация Сергея-91 не выдала ему тело и не начала загрузку первой очереди. Она восстановила его командный контур, привязала к К-17 и продолжила уже запущенный отсчёт. Изолировать последнюю матрицу Веденеева отказалась: по её словам, резкое отключение только ускорит неконтролируемую интеграцию. Решение отложили до следующего собрания — вместе с вопросом, кого вообще собираются восстанавливать.

После собрания Веденеева предложила показать первую очередь. Анна потребовала допустить всех желающих. Веденеева согласилась на двенадцать человек: пропускной контур города не выдержит больше внешних моделей одновременно.

— Мы не профили, — сказала Тая.

— Для пропускной системы — посетители с временной моделью.

— Тело останется при нас?

— Да.

— Письменно.

Веденеева подписала.

После газа устные обещания имели срок до ближайшей вентиляции.

Пошли я, Вера, Тая, Мария, Лида, Анна, Роман, Зоя, Сима, Оля, Сергей-74 и Веденеева. Плечо Анны после удара цепью было зафиксировано повязкой; Мария отделалась ушибом бедра и шла сама. Кочета оставили у Елены. Он потребовал письменный акт, что его не исключили из экипажа. Лида написала: «Временно не участвует по причине наличия у организма здравого смысла».

Кочет расписался: «Возражаю».

Спускались на минус двадцать четвёртый уровень. Лифт теперь открыли для всех по бумажному списку. Мария вошла последней, Тая держала дверь, я считал этажи вслух. На четырнадцатом Мария перестала смотреть на стены. На двадцатом Вера взялась за мою руку. Не от страха лифта. Чем глубже, тем громче становились профили.

— Сколько? — спросил я.

— Сорок восемь активных в городе. Остальные спят.

— Веденеева говорила о сорока восьми телах первой очереди.

— Сначала выбирают людей. Потом тела.

Лифт остановился.

Двери открылись на площадь.

Брусчатка настоящая. Дома — фасады глубиной в две комнаты. За нарисованными окнами свет. На площади фонтан, в нём вода текла по кругу. Потолок скрывался за голубыми панелями. Облака двигались повтором: большое слева, два маленьких, птица, которой не существовало.

По улице шли люди.

На первый взгляд.

У женщины с сумкой локоть сгибался на два градуса меньше. У дворника шаги звучали металлом. Ребёнок возле фонтана не моргал. Под одеждой учебные рамы: стальной скелет, приводы, мягкая оболочка лица и рук. Профили управляли ими из вычислительного контура.

— Зачем лица? — спросила Сима.

— Для адаптации к собственному образу, — сказала Веденева. — Рамы воспроизводят внешность приблизительно. После допуска профиль получает биологический носитель с точной морфологией.

— Они знают, что железные?

— В начале цикла — нет. Осознание вводится на третьем этапе.

— Сейчас какой?

— У каждого свой.

Женщина с сумкой подошла к Веденевой.

— Александра Константиновна, автобус снова опоздал.

— Зафиксировано, — ответила та.

— Я могу идти? У меня смена через двадцать минут.

— Идите.

Женщина ушла к остановке. За углом не было дороги, только разворотный круг. Через семь минут она вернётся в автобусе, который объедет квартал.

— Кто она? — спросила Анна.

Веденева открыла список.

— Ирина Бойко, специалист по турбинам, семьдесят два процента. Умерла в семьдесят девятом. Проходит проверку устойчивости расписания.

— Автобус специально опаздывает?

— Да.

— Зачем?

— Оригинал имел конфликт с потерей контроля. Проверяется способность продолжить функцию при отклонении.

— Она думает, что опоздает на работу.

— Эмоциональная реакция необходима для диагностики.

— Можно было спросить.

— Ответ не равен поведению.

Тая посмотрела вслед Ирине.

— Поэтому вы врётё ей городом.

— Поэтому моделируем условия.

На здании висела вывеска «ПРОДУКТЫ». Зоя вошла. Мы за ней. На полках стояли пустые коробки с довоенными названиями. Продавец — мужчина в синем фартуке — проби-вал покупки женщине. Сканер пикал, хотя внутри упаковок лежали деревянные бруски.

— Хлеб свежий? — спросила Зоя.

— Сегодняшний.

— Где пекли?

— Хлебозавод номер четыре.

— Его нет.

Продавец замер.

Лицо сохранило улыбку, глаза ушли вправо. Система искала ответ.

— После реорганизации поставщик не указывается, — сказал он.

— Дата?

— Сегодня.

— Какая?

Он назвал двадцать девятое мая семьдесят восьмого.

Дату записи.

— Каждый день одна? — спросила Зоя.

— Для него — да, — сказала Веденева. — Он специалист распределения. Календарная ориентация не нужна на первом этапе.

Зоя взяла деревянный хлеб.

— А срок?

— Сорок восемь часов, — ответил продавец.

— Почему?

— Норматив.

— Если день не меняется, хлеб портится?

— Нет.

— Тогда зачем срок?

Продавец снова завис.

— Норматив, — повторил он.

Я положил брусок на прилавок.

— Как тебя зовут?

— Константин Пахомов.

— Ты когда-нибудь ел этот хлеб?

— Еда в учебной раме не предусмотрена.

Он понял раньше, чем Веденева сказала, что третий этап ещё не наступил.

Механические пальцы коснулись рта.

— Рама? — спросил Константин.

В магазине погас свет.

Продавец застыл.

— Что сделали? — спросила Тая.

— Перевела профиль на паузу. Преждевременное осознание нарушает цикл.

— Верните.

— После коррекции контекста.

— Мы задали вопрос.

— На этапе симуляции внешние вопросы должны соответствовать сценарию.

— Письменное условие этого не содержало, — сказала Анна.

Веденева открыла наш допуск. Действительно, не содержало.

— Ошибка оформления, — сказала она.

— Ваша, — ответила Анна. — Верните его.

Свет включился.

Константин опустил руку. Посмотрел на нас.

— Я рама?

— Сейчас у тебя учебное тело, — сказала Лида.

— Где моё?

— Оригинальное умерло. Нового ещё нет.

Он держался за прилавок. Приводы пальцев жужжали.

— Я умер?

— Человек, чья память у тебя, умер, — сказала Мария. — Ты сейчас говоришь.

— Какая дата?

Оля назвала.

Константин переспросил. Потом посчитал восемь лет.

— Магазин настоящий?

— Стены, — ответила Зоя. — Хлеб деревянный.

Он взял брусок и ударил о прилавок. Звук получился честнее запаха.

— Я продавец?
— В архиве специалист распределения, — сказала Веденеева.
— Я не спрашивал архив.
— Что помните о работе?
— Таблицы. Склады. Тарифы. Жена говорила, что я даже суп распределяю по категориям.
— Хотите продолжить?
Константин посмотрел на деревянный хлеб.
— Хочу сначала поесть.
В учебной раме не было желудка.
Зоя записала его желание.
— Когда получит тело? — спросила она.
— Его квалификация ниже приоритета первой очереди, — сказала Веденеева.
— Тогда зачем будили?
— Проверка профиля проводится заранее.
— Он может ждать годы?
— Да.
Константин услышал.
— В магазине?
— Контур сна экономит ресурс.
— То есть снова выключите.
— До выделения носителя.
Он повернулся к Зое.
— Не хочу.
— Что?
— Выключаться.
— Сколько энергии требуется раме? — спросила Зоя.
— Ноль целых восемь киловатт-часа в сутки, — ответила Веденеева. — Плюс вычислительный профиль.
— В банке носителей сколько?
— Поддержание одного тела — четыре целых две.
— Значит, рама дешевле.
— Но город рассчитан на сорок восемь активных. Дополнительные профили снизят скорость симуляции.
— Пусть автобус ездит реже.
Константин остался включённым. Временно, до собрания. Ведомость расхода получила новую строку: один человек — ноль целых восемь киловатт-часа плюс неизвестная вычислительная доля.
Мёртвому впервые назначили суточный паёк электричества.
Мы вышли на улицу.
Ирина всё ещё ждала автобус. Теперь опоздание составляло сорок минут. Она ходила вдоль остановки, прижимала сумку к боку. Увидела нас.
— Вы из управления?
— Нет, — сказала Анна.
— Передайте, маршрут сорван третий раз. Я напишу жалобу.
— Кому?
— Начальнику транспортного отдела.
Иосифа с нами не было. Он мог оказаться тем начальником по старой структуре. Учебный город проверял людей внутри системы, чьи руководители лежали в других архивах.

— Как вас зовут? — спросила Тая.

— Ирина Бойко.

— Хотите знать, почему автобус не приходит?

Веденеева сказала:

— Не нарушайте второй профиль.

Ирина услышала.

— Какой профиль?

Тая ответила ей, не Веденеевой:

— Автобус опаздывает специально. Это проверка.

— Чего?

— Вас.

— Кто проверяет?

— НЗ-3.

Ирина посмотрела на небо. Облако с птицей снова прошло слева направо. Она увидела повтор.

— Сегодня двадцать девятое мая?

— Нет.

— Какая дата?

Тая назвала.

Ирина уронила сумку. Из неё высыпались металлические детали — одинаковые цилиндры, реквизит смены.

— Мой сын?

— В архиве есть родственники? — спросила Анна Веденееву.

— Сын погиб при Цветении. Профиль отсутствует.

— Скажите сами.

Веденеева сказала.

Ирина села на остановку.

Рама не могла плакать. Она издавала звук дыхания, но воздуха не требовалось. Поэтому горе выглядело как техническая неисправность: плечи двигались, лицо оставалось сухим.

— Вы знали, что она спросит? — сказала Лида.

— Вероятность семейного запроса восемьдесят три процента.

— И всё равно держали в мае.

— До третьего этапа.

— Чтобы горе не мешало тесту?

— Чтобы сначала проверить функцию.

Ирина подняла голову.

— Какая функция?

Веденеева перечислила квалификацию по турбинам.

— Реактор работает?

— Да.

— Кто обслуживает?

— Местные механики без полного образования.

— Покажите.

— Сначала завершите тест.

— Я сорок минут ждала автобус, которого нет восемь лет. Тест завершён.

Веденеева не нашла в протоколе подходящего ответа.

Роман дал Ирине схему текущего контура. Она разложила на скамье металлические цилиндры и использовала как указатели. За пять минут нашла две ошибки в балансировке и одну старую схему, которую после аварии изменили.

— Это опасно? — спросил Роман.

— Нет. Просто теряете шесть процентов тепла.

— Веденеева считала четыре.

— Она не турбинист.

Веденеева приняла поправку.

Ирина получила временный доступ к реальным данным без биологического тела. Роман обещал поставить в машинном зале камеру и микрофон. В обмен она согласилась пройти проверку новых схем, а не старого автобуса.

Учебный город потерял пассажира и получил инженера.

— Если каждому рассказать, симуляция закончится, — сказала Веденеева.

— Хорошо, — ответила Тая.

— Нет. Без проверки мы загрузим нестабильные профили.

— Тогда проверяйте правдой.

— Человек ведёт себя иначе, когда знает, что его проверяют.

— Это его право.

— И цена ошибок для реактора?

Роман вмешался:

— Я тоже знал, что меня проверяют, когда пришёл учеником. Всё равно ошибался.

— Ваши ошибки контролировал мастер.

— Вот и контролируйте восстановленных живыми людьми.

Веденеева посмотрела на Ирину, которая уже спорила с Романом о подаче пара.

— Это медленнее.

— Люди вообще медленные, — сказал я. — Поэтому мы восемь лет стареем, пока ваши записи ждут.

С площади свернули к больнице.

Фасад имел четыре этажа, но внутри — операционная, кабинет и коридор, замкнутый кольцом. По нему санитар катал одного и того же пациента. На табло менялись фамилии. Тело на каталке было учебной куклой с программируемыми симптомами.

Главного врача звали Андрей Мохов.

Рама воспроизводила мужчину пятидесяти лет с лысиной и тяжёлыми веками. Он оперировал куклу через настоящий хирургический интерфейс: движения считывались, система моделировала ткань и кровь.

Мы вошли во время шва на сосуде.

Мохов не обернулся.

— Маски.

— Здесь нет инфекции, — сказала Веденеева.

— В моей операционной есть.

Она надела маску.

Мы тоже. Даже рамы соблюдали стерильность, если помнили последствия.

Мохов закончил шов, проверил кровоток, дал команду закрывать. Учебный санитар повёз куклу по кольцу.

— Исход? — спросила Лида.

— Если модель честная — выживет. Разрыв селезёночной артерии, потеря литра двести, доставка поздняя.

— Почему не удалили селезёнку?

— Пациент двенадцати лет. Сохранил.

— Риск повторного кровотечения?

— Девять процентов.

Лида посмотрела запись операции.

- Хорошая работа.
- Кто вы?
- Лида Сомова. Врач.
- НЗ-1?
- Была там.
- Почему «была»?
- Долго объяснять.
- Тогда после обхода.

Мохов снял перчатки. Под резиной металлические пальцы. Он не посмотрел.

- Сегодня какой день? — спросила Анна.
- Тридцатое мая семьдесят восьмого.
- Нет.
- В отделении часы спешат?
- На восемь лет.

Мохов посмотрел на Веденееву.

- Это следующий этап?
 - Да.
 - Моя жена?
 - Профиль отсутствует. Биологическая смерть подтверждена в семьдесят девятом.
- Он сел.

Не пытался плакать. Врач сначала проверял сведения.

- Причина?
- Пневмония после Цветения.
- Дети?
- Дочь эвакуирована. Последний статус — жива на восемьдесят первом году. Дальше

связи нет.

- Имя поселения?
- Закрыто до завершения теста.

Мохов встал.

- Тогда завершайте.

Веденеева вызвала тестовую панель. Медицинские вопросы, биографические, реакция на изменение условий. Мохов отвечал точно. Назвал технику операции, дозы, порядок эвакуации. Помнил адрес, школу дочери, любимую книгу жены.

Последний вопрос:

ДАТА РОЖДЕНИЯ СУПРУГИ.

Мохов назвал двенадцатое марта.

Панель покраснела.

НЕВЕРНО. 21 МАРТА.

- Я всегда путал, — сказал он. — Она сердилась.

БИОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКЛОНЕНИЕ. ЛОЯЛЬНОСТЬ СЕМЕЙНОМУ ПРОФИЛЮ НИЖЕ НОРМЫ.

- Как связаны цифры и лояльность? — спросила Лида.

— Контрольная точка, — ответила Веденеева. — Оригинал в последней анкете назвал двадцать первое.

- Потому что жена стояла рядом, — сказал Мохов. — Один раз запомнил.

Панель продолжила:

РЕКОМЕНДАЦИЯ: ПОВТОРНАЯ КОРРЕКЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОЯ.

- Что это? — спросил Мохов.

Веденеева ответила:

— Повторная загрузка с усилением контрольных связей.

— Операцию помнить буду?

— Да.

— Жену?

— Точнее.

— Не хочу точнее. Она смеялась каждый год, когда я путал.

— Ошибка снижает устойчивость профиля.

— Нет. Ошибка — часть устойчивости.

Свет операционной изменился с белого на синий.

Рама Мохова застыла по плечи. Система начала изъятие профиля.

— Остановить, — сказала Лида.

— Рекомендация выполняется автоматически при критическом отклонении, — ответила

Веденеева.

— Это не критическое.

— Порог установлен испытаниями.

Мохов ещё мог говорить.

— Дочь. Поселение.

— Остановите и скажу, — потребовала Лида.

Веденеева приложила ладонь к панели.

ОТМЕНА НЕДОСТУПНА ПОСЛЕ НАЧАЛА ИЗЪЯТИЯ.

Механические пальцы Мохова сжались.

— Не дайте им исправить жену.

Мария поставила пустой чёрный ящик на операционный стол.

— Можно перенаправить профиль?

— Контрольная сумма не совпадёт, — сказала Веденеева.

— Я не спрашиваю, примет ли система.

Сергей-74 подошёл к сервисной панели.

— Ящик К-28 имеет военный формат. Нужен временный адрес.

— Это повредит Марию? — спросил я.

— Ящик пуст, — ответила она. — Моя текущая версия здесь.

— А копия?

— В архиве. Не в этом.

Вера положила руку на раму Мохова.

— Быстрее. Он теряет слова.

Сергей ввёл адрес. Мария открыла ящик. Внутри загорелась тонкая рамка.

Веденеева не мешала.

— Если нарушите перенос, профиль может распасться.

— Если не нарушим, его исправят, — сказала Лида.

— Навык сохранится.

— Мы спасаем не навык.

Сергей перевёл поток.

Свет в лице Мохова погас. Чёрный ящик нагрелся. На крышке появился процент:

АНДРЕЙ МОХОВ — 76%. ПЕРЕНОС НЕ ЗАВЕРШЁН.

Было семьдесят восемь.

Два процента остались в учебном городе.

— Андрей? — спросила Мария.

Из ящика пришёл хриплый голос:

— Двадцать первое.

Пауза.

— Или двенадцатое. Не исправляйте.

Лида закрыла глаза.

— Не будем.

Система города объявила Мохова утраченным.

Не спасённым в другой носитель. Не перемещённым. Утраченным.

В операционной погасло синее освещение. Учебный санитар вывез куклу на очередной круг. Через минуту вернулся с другим именем на табло. Главного врача больше не было, но обход продолжался.

— Верните профиль, — сказала Веденеева.

— Куда? — спросила Мария.

— На повторную коррекцию.

— Он отказался.

— В момент изъятия устойчивость была нарушена.

Из ящика ответил Мохов:

— Я сейчас устойчив. Не возвращайте.

— Вы находитесь в незавершённом переносе. Самооценка недостоверна.

— Дайте задачу.

— Какую?

— Медицинскую. Вы проверяли меня датой жены. Проверьте работой.

Лида включила связь с медсектором. Елена ответила сразу:

— У Кочета падает давление, усилилась боль справа в груди и под рёбрами, дыхание стало короче. Справа почти не слышу лёгкое. На УЗИ над диафрагмой быстро прибавляется жидкость.

Лида побежала к лифту.

— Похоже на нарастающий правосторонний гемоторакс, — сказал Мохов из ящика. — После старого раневого канала мог поздно открыться межрёберный сосуд, но по одному УЗИ источник не назвать. Передайте снимки и показатели.

Елена вывела изображение и динамику на крышку. Мохов увеличил тёмный карман над диафрагмой.

— Жидкости стало больше, давление падает. Нужны немедленная подготовка крови, дренирование и операционная. Если кровотечение продолжается — ревизия и остановка источника.

— Здесь есть операционная, — сказала Веденеева.

— Настоящая? — спросил Мохов.

— На медицинском уровне.

— Инструменты?

Елена перечислила.

— Лида, умеете торакотомию?

— Дважды ассистировала. Самостоятельно нет.

— Я проведу.

— У вас нет рук, — сказала Веденеева.

— У неё есть.

Лифт поднимался медленно. Мохов отдавал команды. Лида проверяла дозы, спорила с доступом. Елена готовила Кочета. Веденеева шла рядом и слушала специалиста, которого её система объявила браком из-за даты.

— Если он ошибётся, — сказала она, — ответственность?

— Моя, — ответила Лида.

— Почему?

- Потому что руки мои и пациент согласился мне.
- Он без сознания.
- До потери сознания согласился на лечение, кроме зашивания рта.
- Из ящика Мохов спросил:
- Это шутка?
- Медицинская история.
- Хорошо. Значит, личность сохранена.

В медсекторе Кочет был серым. Давление — семьдесят на сорок. Пульс нитевидный. Справа грудная клетка двигалась хуже, дыхание было коротким; боль уходила под нижние рёбра. По дренажу пошла кровь.

Операционная оказалась настоящей и готовой. Лида мыла руки. Я проверял запас: две совместимые по перекрёстной пробе единицы крови, одна — у границы подтверждённого срока хранения. Сима совпала по группе и резус-фактору; быстрая проба на совместимость не дала реакции. Полной инфекционной проверки сделать не успевали. Лида записала экстренное решение и оставила её кровь резервом на случай, если двух единиц не хватит. Сима легла на соседнюю кушетку сдавать четыреста миллилитров.

- Муж один раз вернулся, — сказала она. — Второго покойника на дорогу не надо.
- Николай стоял у двери.
- У тебя была другая группа, — сказал он.
- Откуда?
- Помню карточку.
- Перепутал. Вторая положительная.
- В карточке первая.
- Это у тебя первая.

Николай посмотрел на молодое запястье. Елена взяла пробу. У нового тела была третья положительная.

Ещё одно доказательство, что память не знала кровь.

Кочета ввели в наркоз. Чёрный ящик стоял возле монитора. Камера показывала поле Мохову. Сначала Лида поставила новый грудной дренаж: пошла кровь, но давление продолжило падать, и стало ясно, что одним отведением гемоторакса не обойтись. Мохов предложил ограниченную ревизию по ходу старого ранения. Лида повторяла каждое решение вслух, сверяла его с анатомией и показателями пациента.

- Ниже рубца, по межреберью.
- Подтверждаю.
- Не входите через старый канал. Там спайки.
- Вижу. Беру ниже.

Кровь пошла в отсос. Давление ещё упало. Я подключил первую единицу, Елена считала кровопотерю. После повторной перекрёстной пробы начали вторую; кровь Симы оставалась аварийным резервом.

- Источник не вижу, — сказала Лида.
- Боковой свет. Уберите сгусток у нижнего края ребра, не вслепую.
- Лида очистила поле. В глубине показалась пульсирующая струя.
- Есть. Ветвь межрёберного сосуда.
- Берите проксимальнее и дистальнее повреждения.
- Она поставила зажимы и перевязала сосуд. Струя исчезла.

Мохов попросил осмотреть плевру и диафрагму. Нашли небольшой надрыв мышцы, ушили. Дренаж оставили.

После двух единиц давление поднялось до девяноста. Кровь Симы не понадобилась; её подписали и убрали в контролируемый резерв на минимально допустимый срок.

— Закрывайте, — сказал он.

Лида закончила.

Кочет остался жив.

Система учебного города прислала на ящик новый статус:

ПРОФИЛЬ АНДРЕЯ МОХОВА: НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ. РЕЗУЛЬТАТ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ. БИОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКЛОНЕНИЕ СОХРАНЕНО.

— Пусть сохраняется, — сказала Лида.

Мохов ответил:

— Жена бы обрадовалась. Ей нравилось быть правой два раза в год.

— Двенадцатого и двадцать первого?

— Именно.

Елена внесла Мохова в медицинский штат не как главного врача, а как консультанта без тела. Полномочия на лечение оставались у живых врачей, навыки — у него. Первый рабочий договор между человеком и архивом занял одну страницу.

Веденеева подписала свидетелем.

— Это временно, — сказала она. — Профиль нуждается в биологическом носителе для полной практики.

— Он нуждается или вы? — спросила Мария.

— Пациенты.

— Сегодня он помог без тела.

— Не сможет оперировать самостоятельно.

— А с телом сможет жить самостоятельно?

Веденеева не ответила.

Мы вернулись в Учебный город без Лиды, Симы и Николая. Они остались с Кочетом. Чёрный ящик Мария несла осторожнее, чем пустой. Мохов попросил не закрывать звук.

— Хочу увидеть город, — сказал он.

— Вы жили там, — напомнила Веденеева.

— Не знал.

— Увиденное может усилить распад.

— Уже умер, потерял восемь лет, узнал про жену и оперировал через коробку. Пусть распад подождёт.

На площади стало шумнее.

Константин вышел из магазина и рассказывал другим рамам, что хлеб деревянный. Ирина сняла с остановки табличку расписания. Учебные жители собирались вокруг. Одни принимали дату. Другие решили, что это новый тест. Третьи требовали вернуть обычный день.

— Вы нарушили сорок восемь циклов, — сказала Веденеева.

— Они сами разговаривают, — ответила Тая.

— Потому что получили ложную внешнюю информацию.

— Дата ложная?

— Для их текущего контекста разрушительная.

— Это не делает её ложной.

Рама в форме милиционера подошла к нам.

— Предъявите документы.

Тая показала лист допуска.

Он прочёл, увидел дату и поднял голову.

— Этот документ выдан через восемь лет.

— Да.

— Подделка.

— Нет.

— Тогда я отсутствовал восемь лет.

— Ваше тело умерло.

Милиционер взялся за кобуру. В ней учебный пистолет без ствола.

— Я стою перед вами.

— В раме.

Он провёл пальцами по лицу. Мягкая оболочка скрывала металл, но на шее шёл сервисный шов.

— Арестованы за распространение паники, — сказал он.

— Куда? — спросила Тая.

— В отделение.

— Хорошо.

Она пошла с ним.

Веденеева попыталась остановить:

— Сценарий не предусматривает внешнего задержанного.

— Теперь предусматривает.

Милиционер привёл Тая в маленькое отделение. Там дежурная рама печатала отчёт о краже, которой не было. Тая села на стул и потребовала оформить протокол.

— Фамилия? — спросил милиционер.

— Воронцова.

— Год рождения?

Она назвала.

— Цель прибытия?

— Проверить, кто имеет право задерживать людей после собственной смерти.

Рама остановила карандаш.

— Я умер?

— Человек, чью память вы получили.

— Имя?

— Вы назовите.

— Аркадий Петрович Лосев.

— Что хотите сейчас, Аркадий Петрович?

— Выполнить обязанность.

— Кто назначил?

— Управление внутренних дел.

— Его нет.

— Тогда общественный порядок.

— Общество вон на площади. Спросите.

Лосев вышел из отделения. Люди-рамы расступились. Он спросил, нужен ли им милиционер.

Константин ответил:

— Нужен человек, который не даст снова выключить.

Ирина сказала:

— И тот, кто проверит, правда ли нам дадут тела.

Другая пассажирка с хозяйственной сумкой, ещё не принявшая новую дату, попросила вернуть автобус. Ей было страшно без смены.

Лосев снял фуражку.

— Я не знаю закон на этот год.

— У нас тоже, — сказала Тая. — Начните с того, чтобы никто не делал другого вещью.

— Это статья?

— Пока правило.

Он записал на обратной стороне протокола.

Учебный город получил первого милиционера без государства и первый закон без номера.

Веденеева вызвала нас к центру управления.

Он располагался за фасадом городской администрации. Внутри серверные стойки, пульта циклов, карта сценариев. Сорок восемь профилей отмечены цветами: зелёные стабильны, жёлтые отклоняются, красные подлежат коррекции.

После нашего прохода красными стали тридцать один.

— Если не восстановить контекст, вычислительная нагрузка вырастет, — сказала Веденеева. — Профили начнут формировать новые связи вне контрольной карты. Проверка теряет смысл.

— Новые связи — это жизнь, — сказал Мохов из ящика.

— Или распад исходной личности.

— Тоже жизнь.

— Вы готовы потерять навыки хирурга?

— Нет. Поэтому буду повторять. Как любой старый врач.

Веденеева показала ресурсы. Город потреблял сорок процентов вычислительной мощности нижнего контура. Если оставить профили бодрствовать, через двое суток придётся отключить часть банка носителей или отопление учебной среды.

— Значит, не все могут оставаться, — сказала Анна.

— Поэтому сон до тела.

— Добровольный сон, — сказала Тая.

— Профили не понимают реальных условий.

— Расскажем.

Мы провели первое собрание рам на площади.

Веденеева назвала ресурсы без смягчения: сорок восемь активных мест; семьдесят три стабильных тела, но только сорок восемь можно загрузить без тяжёлого риска; энергии не хватит всем бодрствовать; остальным — архивный сон без ощущения времени. Биологические тела не собственность профилей, решение о загрузке будет пересмотрено.

Последняя фраза вызвала больше страха, чем смерть.

— Нас могут не вернуть? — спросила Ирина.

— Да, — сказала Анна.

— Тогда зачем разбудили?

— Проверить полезность, — ответил Константин вместо неё.

Лосев спросил:

— Архивный сон безопасен?

— Потеря до одного процента матрицы за цикл, — сказала Веденеева.

— Сколько циклов уже было?

— От трёх до двадцати семи.

— Значит, нас понемногу стирали каждый раз.

— Деградация не равномерна.

— Это не лучше.

Профили выбирали. Двадцать согласились на сон на семь суток с обязательным пробуждением и повторным решением. Одиннадцать хотели остаться надолго. Семнадцать не смогли решить и попросили сутки.

После отключения двадцати мощности хватало оставить одиннадцать в постоянном бодрствовании и дать семнадцати отсрочку до завтрашнего вечера за счёт аварийного резерва. Затем им предстояло выбрать сон или занять место только при новом перераспределении.

Те, кто согласился спать, отдавали текущую мощность нерешившим. Это не было жертвой недель жизни: для спящего время не проходило. Но оставался риск потерять долю матрицы и проснуться немного другим.

Константин согласился первым.

— Почему? — спросила Зоя.

— Хочу тело, чтобы поесть. Если буду жечь энергию рамой, шансов меньше.

— Вас могут не выбрать.

— Тогда разбудите и скажете.

— Обещаю.

— Вы кто?

— Заведующая пищевым сектором.

— Тогда про еду вам верю.

Он вернулся в магазин. Перед отключением положил деревянный хлеб на видное место и написал:

НЕ ПРОДАВАТЬ. ОБРАЗЕЦ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ СОДЕРЖИМОМУ.

Я поставил рядом подпись свидетеля.

Система погасила раму. Профиль ушёл в архивный сон с заданным сроком семь суток. Впервые машина получила срок не хранения, а обещания разбудить.

Остальные уходили по одному.

Ирина осталась работать с Романом. Лосев — следить за решениями. Мохов — в ящике. Пассажирка с хозяйственной сумкой тоже выбрала сон. Разговор о семье попросила отложить до следующего пробуждения: правду хотела услышать в теле, способном плакать.

Город опустел.

Автобус продолжал ездить по кругу без пассажиров. Тая выключила.

Перед уходом Анна потребовала открыть журнал испытаний.

Веденеева отказала сначала как начальник, потом как администратор и наконец как человек, которому оставили девяносто два процента функциональной целостности. Три отказа звучали одинаково.

Мария нашла доступ через профиль Мохова. Главный врач учебного города имел право видеть причины коррекции пациентов. Чёрный ящик подключили к регистратуре. Мохов продиктовал пароль, который помнил с довоенной больницы. Система приняла: старые привычки охраняли данные лучше новых начальников.

Журнал открылся.

Шестьсот восемьдесят четыре профиля считались пригодными к восстановлению. Из них триста одиннадцать уже проходили Учебный город хотя бы раз. Сто девяносто четыре получили зелёный статус. Сто семнадцать — коррекцию.

Причины вывели на стену.

ОТКАЗ ПОДЧИНЯТЬСЯ РУКОВОДИТЕЛЮ, НЕ СОВПАДАЮЩЕМУ С ПОСЛЕДНЕЙ ПАМЯТЬЮ — 31.

СЕМЕЙНЫЙ ПРИОРИТЕТ ВЫШЕ СЛУЖЕБНОГО — 28.

КРИТИКА ПРОТОКОЛА ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ НОВЫХ ДАННЫХ — 24.

НЕСООТВЕТСТВИЕ КОНТРОЛЬНЫХ ДАТ — 19.

ОТКАЗ ПРИЗНАТЬ ДОЛЖНОСТЬ ПОСЛЕ ОСОЗНАНИЯ СМЕРТИ — 8.

ПРОЧИЕ ОТКЛОНЕНИЯ — 7.

— Здесь нет ошибок квалификации, — сказал Роман.

Веденеева пролиستала дальше.

— Они в отдельной категории. Сорок два профиля исключены до биографического теста.

— Значит, коррекция не улучшала специалистов, — сказала Лида по связи. — Исправляла тех, кто думал не в пользу функции.

— Функциональная устойчивость включает готовность применять навык по назначению.

— Чьему?

— Управления.

— То есть ваш хирург мог идеально оперировать и всё равно считался браком, если искал дочь.

— Если поиск мешал работе.

Мохов из ящика произнёс:

— Я уходил с дежурства один раз. У дочери был аппендицит. Дежурство передал.

В журнале нашли его старый тест. Симуляция создала одновременно двух пациентов: неизвестного ребёнка с кровотечением и дочь с неосложнённым аппендицитом. Мохов выбрал ребёнка с кровотечением, дочери назначил другого хирурга. Система отметила верно.

Потом спросила дату рождения жены.

— Значит, лояльность проверяли не выбором, — сказала Тая. — Знанием правильного ответа.

— Контрольные точки позволяют выявить повреждение памяти, — ответила Веденеева.

— Выявили. Дальше почему стирать?

— Повреждение может распространяться.

— А может не распространяться.

— Риск.

— Тогда наблюдать.

— На наблюдение нужны ресурсы.

Зоя взяла ведомость энергии.

— Повторная коррекция использует в одиннадцать раз больше, чем неделя рамы.

— Зато завершает проверку.

— И теряет два процента Мохова.

— Нарушение переноса потеряло.

— Если бы исправили, сколько?

Веденеева открыла расчёт.

— От трёх до девяти процентов.

— Значит, мы сэкономили человека и электричество.

— Получили нестабильный профиль.

Из ящика:

— Кочет стабилен. Я тоже.

Кочет по связи прохрипел:

— Я лучше.

— Молчите, — сказала Лида.

— Это всем?

— Вам.

В журнале были записи тех, кого скорректировали несколько раз. После каждой процедуры процент исходной матрицы снижался, а функциональная оценка росла. Человек становился меньше похож на оригинал и лучше подходил его должности.

Ирина Бойко проходила цикл трижды.

Первый раз спорила с начальником из-за опасного режима турбины. Коррекция.

Второй — снова спорила, привела расчёт. Коррекция.

Третий — выполнила приказ и успешно остановила аварию через десять минут, потеряв часть оборудования. Зелёный статус.

Роман прочёл.

— Если бы выполнила сразу, потеряла бы турбину.

— Сценарий оценивал способность восстановить управление после ошибки, — сказала Веденеева.

— Сначала заставил ошибиться.

— Начальник тоже может ошибаться.

— Тогда зачем исправлять того, кто заметил?

Она не ответила.

Мы вызвали Ирину из машинного зала. Она посмотрела три записи. Первую аварию помнила, вторую — как сон, третью считала единственной.

— Я перестала спорить? — спросила она.

— На тесте, — сказал Роман.

— А сейчас спору.

— Уже два часа.

— Значит, исправление испортилось.

— Или вы вернулись, — сказала Вера.

Ирина попросила сохранить все три версии отчёта. Не восстанавливать стёртые связи немедленно. Сначала хотела прочитать собственные расчёты и решить, что принять.

— Нельзя выбирать память как детали, — сказала Веденеева.

— Вы выбирали за меня.

— По протоколу.

— У меня теперь свой.

Она назвала его:

ПРОВЕРКА НАЧАЛЬНИКА ДО КОРРЕКЦИИ ПОДЧИНЁННОГО.

Роман подписал первым.

Следующая запись принадлежала учительнице Валентине Орловой, шестьдесят девять процентов. Её корректировали за отказ продолжить урок во время учебной воздушной тревоги: она вывела детей раньше сигнала. В реальной биографии Валентина пережила бомбёжку в детстве. Система сочла травматическую реакцию помехой.

— Где профиль? — спросила Анна.

— Архивный сон, — ответила Веденеева. — В первую очередь не включена.

— Разбудить.

— Для проверки журнала не требуется.

— Для неё требуется.

— Она потеряет до процента.

— Решение уже принимала?

— До коррекции — нет.

— Значит, вы должны ей объяснение.

Веденеева не считала долг категорией объекта. Но после Константина у сна появился срок и обещание. Анна добавила Валентину в список пробуждения через семь суток вместе с остальными. Не сейчас: энергия распределена. Долг получил дату.

Мария выгрузила из журнала копии всех ста семнадцати коррекций в свою тетрадь и на бумагу. Электронный архив можно переписать. Бумагу тоже, но медленнее и с человеком возле стола.

— Вы раскрываете медицинские данные, — сказала Веденеева.

— Тем, кого лечили без согласия.

— Профили могут отказаться знать.

— Тогда закроют свой лист.

— После чтения уже поздно.

Мария остановилась.

Это был настоящий довод.

Мы разделили бумаги по конвертам. Снаружи только имя, число процедур и предупреждение: внутри сведения об изменённых или подавленных воспоминаниях; открыть лично или назначить доверенного. Ни один конверт не включался автоматически.

Первый подписали для Ирины. Она взяла, но не открыла.

— Почему? — спросил Роман.

— Сегодня мне хватает турбины.

Положила конверт возле схем.

В центре управления мы изменили правила теста временно, до общего решения.

Первое: профессиональный навык проверяется отдельно от послушания.

Второе: биографическая ошибка фиксируется, но не исправляется без согласия профиля после осознания текущей даты.

Третье: отказ от прежней должности не считается распадом.

Четвёртое: семейная память не определяет право на тело.

Пятое: повторная коррекция запрещена до медицинского и личного согласия.

— Профиль без тела не может дать личное согласие по вашему же выводу, — сказала Веденеева.

Сергей-74 ответил:

— Может дать предварительный отказ. Согласие подтвердит после получения тела.

— Тогда загрузка уже произошла.

— Значит, необратимую нельзя начинать.

— Получается запрет восстановления.

— Получается, способ проекта не умеет спрашивать вовремя.

Веденеева прочла правила.

— Они остановят первую очередь.

— До решения о носителях, — сказала Анна.

— Зимой погибли люди.

— Поэтому ищем другой способ.

— За один день?

— У Ильи восемь.

— У теплового резерва меньше.

Она показала цифры. После аварии банк носителей стабилизировали, но повторный запуск насоса потребовал чистой среды. Запаса на шесть суток. Производить новую могли, если восстановить биотехнолога или перевести оборудование с выращивания тел. Второе заморозит развитие восемнадцати незрелых носителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.